

Ярослав Коваль

П
Р
И
Ц

Родная кровь

Принц

Ярослав Коваль

Родная кровь

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Коваль Я.

Родная кровь / Я. Коваль — «АСТ», 2016 — (Принц)

ISBN 978-5-17-099151-8

Сыновья и дочери покойного короля никак не желают примириться. Спор за власть становится ещё более жестоким, когда в противостояние вмешиваются и представители высшей знати. В стремлении подчинить своей воле королевство, хоть законно, хоть нет, герцогиня Овеяния, самая могущественная женщина Лучезарного мира, мать одного из принцев, не чуждается никаких методов. Окружающие люди для неё – либо средство для достижения своих целей, либо враги. Даже с собственным сыном она готова поступить жестоко, если тот посмеет противиться её воле. Но мало кто из представителей королевской семьи понимает, какую страшную угрозу она собой представляет. В Срединном мире тем временем продолжается изнурительная война. Принц Роннар, о существовании которого в Лучезарном мире почти никому не известно, прилагает все усилия, чтоб спасти свою родину. Вот только враг слишком силён. Роннар не может рассчитывать на помощь Высшего мира и родственников по отцу, наоборот, они для него – угроза. Понимая это, он только и может, что спешить и надеяться на удачу. Но та не спешит поворачиваться к нему лицом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099151-8

© Коваль Я., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ярослав Коваль

Родная кровь

Глава 1

Лучезарный

Солнце от души бросало свет на пронзительно-белые мостовые Лучезарного города, и, соперничая с ним, ветер засыпал их же пеплом и искрами. В эти осенние дни уже должна была установиться прохлада, но, чрезмерно задержавшись, по-летнему тёплые дни словно бы подсказали, что жителям столицы скоро придётся жарко.

Разумеется, не они жгли собственные же дома, и не засевавшая в стольном городе гвардия, разбавленная ветеранами опасных путешествий в составе торговых караванов (у осаждённой армии были заботы поважнее). Вроде бы принцы Аранеф и Бовиас отдавали распоряжение не палить нижние и средние столичные районы. Но пламя с поразительным упорством вспыхивало то тут, то там, и теперь дым застилал величественные беломраморные террасы Ремесленного круга и Подножие, где жили горожане победнее, а также потихоньку подбирался к богатым и аристократическим районам.

Под шумок начался грабёж торговых галерей и дорогих особняков, но до этого мало кому было дело – разве что тем, кого при этом убивали, да солдатам, которые мимоходом карали мародёров (если успевали поймать) и отбирали добычу в свою пользу. На улицах продолжались бои, и столица выглядела, как испуганная встрёпанная птица, на которую охотятся сразу несколько хищников.

Город мерк, его припудрило серым, и он перестал сиять пронзительной праздничной белизной. Всегда отливавший золотом воздух убрало дымной сединой, даже солнце пасовало перед общей бедой королевства, которое родилось здесь, на столичном полуострове, там же, где когда-то появилось искусство магии.

Люди в полнейшем шоке начинали осознавать, что условия жизни изменились – в их дом в любой момент может кто-нибудь войти, что-то взять, и любое возражение закончится печально. Многие, даже понимая суть происходящего и свои перспективы, медлили что-либо менять. Не так-то просто бежать из своего дома, всё бросив. Куда бежать? Где поселиться? Чем заниматься? А если есть семья, то задача усложняется в разы. В конце концов, жизнь королевства на протяжении столетий была спокойной и умиротворяющей. Поэтому, хотя верить в лучшее не было оснований, большинство фанатически верило. И оставалось в своих домах – лишь скарб прятало усерднее.

Обывателям было намного страшнее, чем тем, кто волею случая оказался вовлечён в противостояние. Обыватели не понимали, что происходит и почему это происходит, и при всей своей искусственно сотканной оптимистичности в глубине души боялись намного больше, чем бойцы, вынужденные сражаться. Бойцам хотя бы казалось, что свою судьбу они держат в собственных руках.

Те, кого Аранеф и Бовиас уверенно называли мятежниками, сопротивлялись твёрдо, даже яростно. И умело. У них теперь были все основания считать себя правыми, ведь их, собственно, возглавлял уже не какой-то там торговец Кавир, пусть и прикрываясь животом своей дочки, якобы нажитым от короля, – а самый настоящий принц Тейир. Зять Кавира.

Свадьбу сыграли на скорую руку, кое-как, даже минимумом приличий пренебрегли: из всех представителей королевской семьи на свадьбе принца присутствовал один только жених. Алкеда улыбалась заученно и равнодушно, оттеняя своей красотой яркую и откровен-

ную неприязнь во взгляде. Но молодой супруг, рассматривая в основном её грудь, не заметил ничего настораживающего. Он вообще предпочитал обдумывать за раз не более двух мыслей. Сейчас на повестке дня стояли первая брачная ночь и важная задача: донести до лордов, что он занял столицу по праву, и его нужно признать регентом. Равновеликие цели.

Алкеда сквозь опущенные ресницы наблюдала за новым мужем. Желание прирезать его нынешней же ночью тормозилось осознанием, что отец отчасти прав, и только принц или хотя бы сам факт брака с ним защитит их семейство от гнева наследников короля, а также Лучезарного в целом. Без такой влиятельной поддержки им уже не справиться, потому что скандал заварился нешуточный. Раз уж дошло до военных действий, не получится просто уехать и спрятаться где-нибудь в Срединном мире, убраться с глаз долой. На волне скандала принцы будут упорны и отыщут её хоть в мире бестий – где угодно.

Ребёнок тоже продолжал оставаться в центре общего внимания, и Кавир способствовал этому насколько мог.

– Никто наверняка не знает, кто его отец. Может быть, ты ошиблась, и в действительности его зачал король, – заявил он дочери. – Ты недавно после родов, за свои слова отвечать в полной мере не можешь, потому что сознание твоё в смятении. Твой конфликт с супругом мог так на тебя подействовать, и ты просто захотела поверить, что родила ребёнка от любовника, от этого мальчишки. Но даже если так и есть... Не спорь, я лучше знаю, как следует действовать. Нам нужно сомнение, нужен раскол, иначе мы погибли.

Сейчас, разглядывая Тейира, Алкеда думала, что в его отца ей было бы проще влюбиться, если б её сердце изначально было свободно. В принце живёт магия, унаследованная от предков, однако он слаб и бесчувствен, по-детски жесток и лишён характера. Если дать ему хоть малейшую возможность, он превратит её жизнь в настоящий ад. Она должна сразу крепко взять ситуацию в руки, если желает просто и банально выжить замужем за ним. И в том, что так сложилось, бесполезно винить отца, а Тейира за это ненавидеть. Сперва она должна выиграть, а чувства будут потом, если не забудутся.

Так что, когда пришло время, и служанки увели её в спальню, она, дожидаясь мужа, долго сидела перед зеркалом и осторожно массировала лицо. Оно должно её слушаться, а уж взгляд может быть каким угодно – этот мужчина всё равно не сумеет его прочесть правильно, даже если обратит внимание. Взгляд сегодня намного менее важен, чем мимика, жесты и движения тела.

Он вступил в спальню вкрадчиво, как охотящийся кот, и развязно, словно растерянный юнец, который строит из себя многоопытного победителя всего и вся. Развязно стяхнул с плеч камзол, схватил полный кубок, попробовал вино.

– Это правда? – спросил он. – Правда, что ты изменяла моему отцу?

Алкеда сразу поняла, какой ответ будет правильным.

– Разумеется, нет. Разве вы не знаете своего отца? Разве государь потерпел бы подобное? Он бы меня убил, посмей я только взглянуть на другого мужчину.

– И был бы прав. Только так и надо. – Тейир ещё отпил. Посмаковал. – Ну, а на церемонии зачем сказала про измену, и что твой сын вроде бы бастард?

– Хотела, чтоб он выбыл из числа претендентов на престол. Пусть живёт спокойно, вдали от схватки за власть. Братья ведь так или иначе его не обидят.

– Разумно. Очень разумно. Так и следует. – Пустой кубок был брошен в портьеру и скатился на ковёр, оставляя за собой тёмный след. – И чем же мой отец в тебе так прельстился?

Она поднялась, позволяя прозрачной ткани облить её тело и открыть взору всё до изгиба.

– Разве вы не видите?

Дальнейшее было делом техники. Полузакрыв глаза, Алкеда сполна отдалась своим мыслям, а вернее – воспоминаниям. Проще всего было думать об Амтале, об их последней

встрече, случившейся прямо накануне свадьбы. Кавир был слишком занят приготовлениями, он ничего не заметил, а прислуга допустила уже столько промахов и так боялась гнева господина, что была вынуждена во всём потворствовать госпоже и молчала.

Молодого человека провели прямо в её спальню и убрались за дверь, оставив влюблённых наедине. Но они, нацеловавшись, ни о чём особенном и не говорили. Всё то, что она сказала ему и что он ответил ей, можно было сказать и при посторонних. Но Алкеду мало волновало, донесут ли отцу про эту их встречу и что наплетут сверх действительно услышанного и увиденного. Она знала, что семья начинает игру, полную опасностей, под гнѐтом которых отец просто не обратит внимания на такую мелочь.

Амтал был пылок и притом спокоен. Он принял её признание о необходимости брака с принцем, по видимости, бесстрастно, как должное. Она ему, конечно, не поверила. Их любовь – то, чем она жила, в чём видела своё светлое будущее, и верить в её смерть означало конец жизни. Примерно такой же, какой наступит, если отказаться от брака с принцем и его поддержки.

Союз с Тейиром – насущная необходимость и долг перед семьёй. Это понятно. Но никакой мужчина не будет ждать вечно, особенно если подогреть его пыл только обещаниями, редкими поцелуями и ещё более редкими встречами. Что делать, она пока не знала...

И потому целовала, целовала его и заглядывала в глаза. Разумеется, он страдает от того, что любимая женщина уже завтра будет принадлежать другому мужчине. Даже если верит, что она испытывает к будущему мужу одно только отвращение – всё равно должен страдать. Она бессильна утолить его горе, и своему тоже вынуждена будет отдаться сполна. Но для неё уже будет большим утешением увидеть тоску в его глазах – как доказательство неизменности его чувств.

Была ли тоска, Алкеда не замечала. Амтал касался её плеч, её шеи, волос, ласкал окат лица, целовал и не мог насытиться – и совсем не смотрел. Казалось, он хотел запомнить её красоту пальцами, а не глазами, и это тоже было дорого молодой женщине, это искренне трогало её. На слова он тем более времени не тратил. В молчании наслаждение казалось более острым...

Алкеда думала об Амтале – и движения её тела исполнялись истомой, жесты начали звучать нежностью. Именно в этом она видела путь к сердцу мужа, который, конечно, слишком самодоволен, чтоб отгадать, что эта ласка обращена не к нему. С ним, как ей казалось, просто будет справиться. Тейир из тех мужчин, кто от природы развратен, успевает за год перебрать множество женщин, но остаётся человеком неискушённым, малоопытным в любви. Узнать что-то большее ему мешают самоуверенность на пару с затаённым стеснением. Такому бессмысленно показывать что-то новое, вызывающее, игривое: по натуре он и подобные ему – страшные консерваторы.

Надо просто взять инициативу в свои руки и не обращать его внимание на то, что делаешь. Просто доставлять ему удовольствие.

Тот, кто с самого начала примется играть в паре главную роль, сможет и в будущем подчинять себе утерявшего власть партнёра. Только нужно помнить о рамках допустимого и чувстве меры. Алкеда ещё не совсем поняла, проще ли будет чисто по-женски манипулировать Тейиром, или же действовать прямолинейно, откровенно-продуманно, ошеломить его смелостью своих решений, или использовать различные сочетания обоих приёмов. Время покажет.

Самая большая ошибка, которую она может допустить, – показать свою слабость, пусть даже и в мелочи. Этот человек не испытает к ней ни малейшего сочувствия. Её страдания его позабавят, и только признание её силы принудит вести себя достойно. Осознавая это, Алкеда раз и навсегда возненавидела супруга, но настоящего поединка с ним ждала с внут-

ренным сладостным трепетом, с вдохновением. Не особенно азартная, она была мстительна, и мстить готова была даже за намерение.

– Ты и с моим отцом так же обходилась? – Задыхаясь от улады, Тейир попытался рассмеяться, но получилось лишь что-то похожее на лающую одышку. Протянул было руку снисходительно потрепать жену за щёку, но она словно бы невзначай перехватила запястье, прижала, наклонилась поцеловать в губы. Будто бы всё так и надо.

– С твоим отцом было многое.

– Это он тебя приохотил к игре?

– Я родилась такой.

И принялась ласкать его по-женски изобретательно, успокаивающе, пока он не уснул. Только тогда молодая женщина расслабленно спустилась с кровати, уселась к зеркалу, машинально привела себя в порядок, аккуратно распустила причёску. Зло подумала, что Лучезарный только выиграл бы, если б остался вовсе без принцев. Слишком они далеки от реальности, их бесполезность в критической ситуации продемонстрирована беспощадно. Она готова была честно признаться себе: будет проще действовать, если поверить в это и представить себе какое-то логичное будущее без нынешней королевской династии.

По легенде нынешняя династия когда-то сменила на троне предыдущую, в ходе смуты сумев отобрать у неё власть над Пламенем. Жаль, что книги молчат о том, как именно была отобрана эта власть. Но хотя бы ясно, что это по силам человеческому существу, и, может быть, отец не так уж не прав. Действительно, пусть лучше на троне окажется представитель торгового сословия. Торговцы – практики и реалисты.

Алкеда жёстко усмехнулась отражению и медленно опустила ресницы, смиряя разгорающееся во взоре пламя. Словно меч спрятала в ножны.

А утром она уже играла роль идеальную и простую в своей очевидности: самая правильная супруга на свете, самая величественная будущая королева, или хотя бы знатная дама, самая верная сподвижница и помощница. Она следовала за Тейиром там, где это следовало делать, и мнение своё высказывала тогда, когда это было прилично – не при посторонних. Но обязательно высказывала: супруга следовало приучить к присутствию рядом её мыслей и идей, к участию её ума в его предприятиях.

Получалось не всегда.

Отец, тоже всюду следовавший за принцем, время от времени бросал на дочку обеспокоенные взгляды, но волновался он зря: до поры до времени Алкеда смирилась с навязанной ей ролью и своей участью. Она потихоньку готовилась действовать. Молодая женщина мало чего в этой жизни боялась и способна была рискнуть очень многим, даже жизнью своей, даже душой, если награда будет того стоить. Однако человеком, которого любила, рисковать категорически не желала, и потому на встречу с ним не пошла бы ни за что, разве только мимолётную, безобидную.

Всё столь чаемое и счастливое придётся отложить на потом. Если действовать умно, то в будущем хватит времени и на простые встречи, и даже на большее.

Что ж, притворяться эта женщина умела хорошо. Настолько хорошо, что обманула, видимо, даже тех, кто обязан быть очень проницательным. Должно быть, поэтому служитель Пламени и обратился именно к ней, к жене принца, слишком занятого, чтоб без задержки принять и выслушать даже и высшего храмового чина. Кстати, к Кавиру он тоже не пошёл – значимый момент. Алкеда мысленно обратила на это внимание.

Служитель, кстати, оказался законником, книжником, то есть был допущен ко многим тайнам Пламени и всю историю взаимоотношений чародеев Лучезарного с силой, которой люди веками поклонялись и так же долго использовали, знал от и до.

– Сударыня, я прошу вас обязательно донести до вашего супруга сведения чрезвычайно важные.

Алкеда изящно склонилась перед ним и изобразила наибольшее благочестие, на какое оказалась способна.

– Говорите, благороднейший.

– Поднимитесь. – Служитель даже слегка расчувствовался. – Поднимитесь, сударыня. Вот о чём я хочу сказать... Принц должен знать, что королевству угрожает огромная опасность! Об этом предостерегает своих детей само Пламя. В книгах об опасности сказано туманно, однако служители уверены, что всё понимают верно. Увы, если королевскую семью раздражают противоречия, и брат ополчается на брата, магия может оставить Лучезарный. Видите ли, пока нет короля, его власть разделяют все его наследники. До определённого предела, конечно, но это так. Вражда внутри семьи ослабляет связь предстателей человеческих с божественным источником.

– Возможно ли?! – испугалась Алкеда – отчасти напоказ, отчасти с искренним интересом. – Значит, результатом войны станет то, что магия может вовсе оставить наш мир? Но как же...

– Думаю, не совсем так. Магия, как и Пламя, связывает миры воедино, эти силы пребудут всегда. Но управлять дарованной нам частицей божественных сил мы можем лишь постольку, поскольку об этой возможности заботится король, либо же его семья, пока высший выбор ещё не свершился. Вы понимаете меня, сударыня? Продолжающаяся война лишит нас возможности прибегать к чародейству.

– Да, благороднейший. Заверяю, что обязательно сообщу обо всём мужу. Но умоляю вас: никому больше не обмолвитесь об этом. Я знаю, мой супруг, как истинный сын своего отца, поставит все свои силы на службу королевству и его благу. Но в окружении принца есть множество людей, обеспокоенных только своими низкими интересами. Боюсь, если они услышат о грядущей опасности, то поймут ситуацию превратно и поспешат ускорить осуществление своих планов. Боюсь, это закончится ужасным кровопролитием. И даже за жизни представителей королевского Дома я боюсь!

– Понимаю. – Служитель расчувствовался ещё больше. Разумеется, он ничего не понимал в политике, но на почтительность отзывался гибко, как любой живой человек, тем более столь лестную для него почтительность красивой женщины. – Конечно, вы правы, сударыня. Тут следует действовать осторожнее. Интересы государства требуют огромной осторожности.

– Я понимаю, что необходимо привести королевское семейство к взаимопониманию, и сделать это нужно мирным путём, – сказала Алкеда, сохраняя на лице изумительно-прониновенное выражение, воплощение совершенной чистоты помыслов.

Однако ж вслед успокоившемуся и отправившемуся по своим делам служителю она посмотрела совсем другими глазами. И в мыслях мигом сложилось: возникнут проблемы при обращении к магии? Так тем лучше! Это сразу же уравнивает знать и средний класс! Да, пока представители верхов не пускали в ход свой очевидный резерв – могущественную магию. Но, конечно, пусть сейчас, когда конфликт перерос в войну. И тем лучше для королевства, если такой возможности у принцев не будет.

Кстати, если магия перестанет повиноваться наследникам короля, у семейства Кавира будет намного больше шансов уцелеть. Решено: Тейир от неё ничего не узнает. Если повезёт, остальные приближённые её мужа тоже промолчат. Конечно, другим принцам об опасности наверняка сообщат своевременно и полно, и тогда братья попытаются донести информацию и до Тейира. Но можно попытаться убедить его, что это просто уловки, чтоб он сдался или хотя бы отступил.

В любом случае – надо пытаться. И даже отцу, пожалуй, не стоит рассказывать о новой возможности и своём решении. Пусть действует на свой лад и не мешает ей.

У неё своя игра.

Итак, играть придётся в одиночку. Обеспокоившись возможным развитием событий, Алкеда всё-таки рискнула встретиться с Амталом, чтоб уговорить его уехать. Всего лучше было бы, конечно, спровадить его вместе с ребёнком, но увезти младенца не позволят. Словно чувствуя намерение дочери так поступить, Кавир приставил к внуку мощную охрану. Он был уверен, что ребёнком ещё можно будет отлично манипулировать, и собирался держать его под рукой.

Что ж, не сына с любимым, так хоть одного любимого спасти от весьма возможной гибели в этой войне – уже хорошо...

– Нет, – отрезал Амтал. – Я никуда не уеду. Я останусь с тобой или при тебе, если ты больше не пожелаешь меня видеть.

– Ну зачем тебе эта игра со смертью! – едва слышно простонала она. – Мне будет спокойнее, правда...

– Кем я буду себя чувствовать, если брошу любимую женщину в центре урагана и брошусь спасать свою шкуру? Лучше тебе увидеть меня мёртвым, чем трусливым ничтожеством. Поверь, ничтожество ты не будешь любить. Я собираюсь сражаться в рядах ополчения, раз уж так сложилось.

И она в ответ заплакала от счастья и ужаса, не зная, как их разделить.

Вопреки ожиданиям Алкеды известие о возможных опасных последствиях распри до Аранефа так и не добралось. Ошеломлённый поступком Тейира, который иначе как предательство он не воспринимал, принц сейчас общался только со своими военачальниками, только о форсированном захвате столицы, и от служителей просто отмахивался, словно от мошкеры. Его выводило из себя всё: любые попытки отвлечь его от главной задачи, случаи грабежей и мародёрства в городе, которые только множились день ото дня, пожары... И то, что теперь он не мог призвать гвардию к повиновению законным представителям королевской власти, потому что один из них успел взять её под свою руку.

– Что, бес возьми, происходит в этом мире?! – ярился он.

Бовиас вёл себя чуть сдержаннее.

– Боюсь, если так пойдёт дальше, мы не оставим в столице камня на камне. Ты знаешь, что Тейир (а в действительности, думаю, это хитроумный Кавир всё придумал) призвал горожан объединяться в отряды и давать отпор бандитам-захватчикам из Опорного мира? Имеются в виду, конечно, наёмники Ианеи. И призыв звучит убедительно – горожане откликаются. Наёмников надо отправить обратно в Лестницу.

– Ни за что! Имеющихся войск и так недостаточно, куда годится ещё ослаблять армию?! К тому же эти наёмники отлично себя показали. Что ты предлагаешь взять вместо них?

– Надо набирать в регулярную армию из граждан Лучезарного. Уже сейчас понятно, что частей поддержки внутреннего порядка катастрофически недостаточно.

– Так делается лишь при возникновении внешней угрозы, ты же знаешь. Законы в королевстве всё ещё действуют. Да, где-то ты прав, часть прежних правил и традиций придётся оставить в прошлом. Но надо действовать продуманно и понимать, что можно и нужно рушить сразу, а с чем лучше подождать... Как понимаю, герцогиня сейчас как раз и занята формированием армии из числа граждан? – спросил он, глядя на брата с оценивающей проницательностью.

Но смутить его не сумел.

– Я не знаю, как действует герцогиня, – раздражённо ответил Бовиас. – И если да, то стоит взять с неё пример. У тебя есть владения. Сколько солдат ты сможешь мобилизовать?

– Полагаю, три-четыре тысячи.

– Разве? Почему же так мало? Я полагал, что раз в десять больше.

– А ты предлагаешь всех поставить в строй? Кто же тогда будет растить овощи и скот, работать в мастерских? Ковать оружие и доспехи для солдат, в конце концов?

– А это пусть будет заботой самих граждан. Если им будет нужно, они найдут выход. Пусть трудятся юнцы, старики, женщины. Нам нужно как можно скорее выиграть войну – вот наша главная задача. Граждане должны будут это понять.

– Жизнь во время войны не останавливается. Лучезарный не знал войн уже более трёхсот лет... Или больше? Плохо помню... Превращать сейчас королевство в сплошное поле боя значит окончательно потерять лицо. Королевская семья должна всегда держать ситуацию под контролем, или хотя бы создавать впечатление, что держит.

– Идёт война, братец! Какое лицо?! О чём ты говоришь? Мы если могли его потерять – уже это сделали!

– Странное у тебя представление о репутации и долге королевской семьи. Ты считаешь, что важнее всего военные действия, а я думаю о положении дел в целом. Так и надлежит делать государю.

– А ты знаешь, что у Ианеи в Лестнице уже больше пяти тысяч бойцов? В Диэдиме – около трёх.

– Откуда?

– А вот оттуда. Во-первых, наёмники – но это примерно половина всех сил. Также ополчение горожан и ополчение графства, которые находятся пока на стадии формирования. Полагаю, сестра в первую очередь должна быть благодарна Конгверу за помощь, однако и сама постаралась. Они, думаю, не собираются останавливаться на достигнутом. – Бовиас следил за выражением братова лица. – Верно ли я понимаю, что ты готов поменять своё мнение?

– Она обещала мне подкрепление. Кстати, хорошо было бы, если б кто-нибудь ей напомнил об обещании. Пусть даст мне хотя бы пару тысяч человек – лучше всего из числа диэдимцев, конечно, чтоб лишний раз не дразнить обывателей. Наёмники из Опорного тут действительно должны быть в меньшинстве.

– Не рассчитывай сделать из меня своего посыльного, – усмехнулся Бовиас.

– Успокойся. Я думал отправить к ней Гадара, но что-то брат пропал. Любопытно, чем он занят... Думаю, что пошлю кого-нибудь из своих людей. А тебе следовало бы затребовать подкрепление из Овеяния, вот что было бы полезно. Если герцогиня зачем-то собирает и готовит войска, так пусть они послужат общему делу.

– А она их действительно собирает?

– Ты сказал об этом.

– Только предположил. Но я подумую.

– О чём?

– Ты хочешь убрать меня от столицы? Но я уйду только вместе с моими войсками.

– Так, хотелось бы знать, к чему эти угрозы?

– Никаких угроз.

Нет, в последнее время они совсем не ссорились, отнюдь – Аранеф понимал, как важна для него поддержка Бовиаса. Важна именно сейчас и до тех пор, пока он не осуществит высказанную братом идею: поставить под знамёна гораздо больше, чем три-четыре тысячи солдат с графства, да по паре тысяч от союзников – нет, взять половину способных воевать мужчин и сформировать армию, которая силы Тейира просто затопчет. А дальше можно будет напомнить Овеянию его место, заодно приструнить Бовиаса. Пока же надо держать его на глазах.

Бовиас в это же время мучился мыслью, что требовать у герцогини больше войск – просто смешное предложение. Можно себе представить, как она ответит. Разве только придумать какой-нибудь убедительный предлог... Хорошо было бы изобрести что-то такое, чтоб

её светлость сама предоставила ему такой предлог, но для этого надо быть звездой интриг, а он не таков. Пусть в последнем письме она намекнула на какую-то близкую военную необходимость – Бовиас не знал, что сделать с этим намёком.

Его начинали серьёзно беспокоить обе облечённые реальной властью женщины Лучезарного: герцогиня и принцесса. Последняя при поддержке Конгвера продолжала брать под свою руку восток материка Синеард, область за областью. Число её знатных сторонников уже перевалило за десяток, и Бовиаса не удивит, если через год в её руках окажется стотысячная армия и деньги на содержание этой орды. Почему бы нет? Сестра оказалась цепкой.

Примечательно, что Аранеф не обращает внимания на её усиление. Так и будет смотреть сквозь опасность, не видя её, дожидаясь, пока ему кто-нибудь прямо укажет. Бовиас подумал, что лучше предоставит такую возможность другим. Ианея ему нравилась, она внушала уважение, хотя и без доверия. Принц привык опасаться сильных женщин.

Он теперь уже отказывался верить, что сестре действительно хочется только коллегиального управления Лучезарным и справедливости. Разумеется, она, как и все, добивается короны для себя лично. Есть ли у неё на это шанс? Очевидно, есть. И что можно с нею сделать? Пока, похоже, ничего. Значит, надо подружиться и по возможности натравить её на своих противников, реальных и потенциальных. Например, на того же Аранефа. Или, что было бы идеально – на герцогиню. Может быть, стоило самому вызваться на поездку в Лестницу. Собственнолично интриговать всегда проще.

Итак, решено – если его задумка осуществится, можно будет навеститься и в гости к Ианее. Разумеется, со своими выгодными картами на руках. Тут всё надо как следует продумать.

Но на следующий день он получил из Овеяния письмо и понял, что её светлость, возможно, случайно, разом вышибла основную опору его первоначального плана насчёт союза с Ианеей. Герцогиня приказывала сыну взять вверенную ему армию и идти захватывать Лестницу, а столица с Кавиром и Тейиром пусть подождёт. Она даже снизошла до того, чтоб объяснить причину своего решения. Оказывается, принцесса осуществила свою угрозу, и хлеб из Опорного стал поступать в Овеяние с большими ограничениями, через густую череду препон – весьма красноречивый намёк. Люди герцогини в ответ обеспечили присутствие на столе Ианеи яств, заправленных по-настоящему убойным зельем.

По какой-то причине сестра Бовиаса долго отсутствовала в Лестнице, половина яств пропала, а частью отравились люди непричастные. Мерзавка Ианея мало того, что своевременно провела расследование, так ещё и отреагировала нагло: вовсе запретила поставки любых товаров из Лестницы в Овеяние и всем союзникам Овеяния. Теперь хлеб приходится перекупать втридорога у тех, кто не успел поссориться с приткой принцессой, и терпеть такую вызывающую наглость герцогиня не намерена.

– Вот уж действительно наглость, – пробормотал себе под нос Бовиас, и глаза его злобно сверкнули. Ну, впрочем, этого всё равно никто не видел. Принц сел к столу и написал герцогине краткое письмо о том, что, разумеется, готов выполнить поручение, однако ему требуется самое меньшее десять тысяч бойцов, и пусть отряд ждёт его у Геллавы, где он сам с имеющимся отрядом будет уже через три дня. Возможно, успеет и раньше.

Правда, чародеи обескуражили: по каким-то туманным причинам магия стала повиноваться им хуже, чем обычно, стабильно и уверенно провести крупный отряд с обозами они не сумеют. Только небольшую группу.

Что ж – и тут имелось решение. Принц задумал отправиться вперёд со свитой, а отряды его догонят. Они обойдутся без большого обоза, всем необходимым можно будет обеспечить себя на месте. Труднее всего будет сейчас извлекать солдат из вялотекущего сражения в столице. Понимания у Аранефа он не встретит, либо же надо ему красочно соврать, что чревато последствиями в будущем.

Или же уходить по-тихому, как ему самому, так и его бойцам. Отдать приказ офицерам прямо сейчас, пусть по тревоге собирают подчинённых и сразу выступают. Тогда им просто никто не успеет помешать.

Именно последнее он и выбрал. Рано утром Аранефу передали сообщение об отъезде брата: эдакую скромную записочку следующего содержания: «Возникла неожиданная проблема. Вынужден отбыть. Вернусь с большим войском. Осаду не снимай». Следом известили об отступлении Бовиасовых войск от столицы. Старший принц, по видимости, принял новость сдержанно, однако в душе у него всё вспыхнуло. Он понял, что ситуация может быть даже сложнее, чем ему показалось сперва, и чувства свои ему было трудно сдержать. Да, Бовиас вроде бы и обозначил, что они остаются союзниками, но при этом оставил его штурмовать столицу с жалкой горсткой сил. А ведь в цитадели города засела королевская гвардия, лучшие вооружённые силы Лучезарного!

Лицо принца перекосила совершенно не великосветская гримаса. Он вызвал к себе Римала, помощника командующего, и приказал армии забрать в свои ряды всех мужчин столицы, способных держать в руках оружие. Хотят защищать свои дома? Хотят быстрее изгнать войну от порога? Пусть потрудятся ради этого. Следующий приказ: отправить нового посланца к принцессе Ианее с требованием увеличить поставки продовольствия. Нет, не следует сообщать ей об увеличении войска за счёт горожан. Зачем обременять принцессу лишней информацией! Лучше объявить ей, что провизия пойдёт на обеспечение всего здешнего населения. Пусть берёт в долг у торговцев Опорного. Он, Аранеф, возместит все долги после захвата столицы.

Чем снабжать новую армию сейчас, пока обозы с зерном не подошли? Ну, чем-то же солдаты сейчас питаются, горожане тоже пока держатся, значит, припасы есть... Да, согласен, чем попало воинов кормить не станешь. Значит, надлежит отправить посланников к лордам Тихата, Прее, Фокинии. Пусть предоставят провизию, если не могут дать войска. В будущем принц собирался требовать и того, и другого, но приказал передать посланцам, чтоб те пока не слишком нажимали, однако намекнули, что отказ в содействии будет воспринят как измена интересам королевства. Пусть лорды делают выводы – и бодрее шевелятся!

Римал заверил, что приказы будут немедленно исполнены.

Аранеф дошёл уже до того предела ярости, когда она не имеет выхода и пожирает себя сама. Принц стал холодным и бесстрастным, но тон его голоса, манера изъясняться и в особенности взгляд обещали самую чудовищно-страшную расправу любому, то не справится с поставленной задачей, либо справится плохо. Разумеется, его люди забегали так, как усердствовали только при жизни короля.

И Римал, и его непосредственный начальник, Эйтел Орсо из Эйбы, понимали, что горожан, прежде чем ставить в строй, надо хоть чему-то обучить. Хоть пару дней помуштровывать в учебном отряде, показать, как по команде поднимают щиты и выставляют копья, как надо замахиваться мечом, чтоб не лишиться его в первые же секунды боя. К тому же эти самые щиты, копья и мечи где-то нужно было взять.

Однако тут же, поразмыслив, порознь, но синхронно согласились, что принцу в подобные детали вникать не с руки. Он отдал приказ, а они, его приближённые, должны сообразить, как приказы следует выполнять, где скорректировать и о чём подумать.

Разумеется, Аранеф, который планировал с ходу увеличить численность своей армийки сразу вчетверо, получил чаемый результат намного позже, чем рассчитывал. Но всё же получил. Жители столицы, совершенно ошалевшие от всего, что творилось вокруг, легко позволяли офицерам, занимавшимся мобилизацией, брать себя в оборот и вешать на уши отборную лапшу. Многие пошли в армию принца за пайком, чтоб наесться наконец самим и что-то выкроить для семьи, кто-то соглашался потому, что не нашёл аргументов для отказа.

Были и те, кто искренне верил в себя и свою возможность изменить судьбу королевства, лично приложить руку к ходу событий.

Аранефа мало интересовало, о чём думали люди, пополнявшие ряды его войска. Его больше беспокоило то, что Тейир (а точнее, видимо, Кавир) незамедлительно ответил тем же и поспешил загрести под свою руку всех здоровых мужчин своей половины столицы – буквально всех, до кого у них раньше не дошли руки. И это в придачу к гвардии и перво-классным лучникам Тейира! Грядущие бои обещали стать очень тяжёлыми и долгими.

Имея дело с подготовленным противником, бессмысленно ждать многого от вчерашних рыбаков, мостовщиков, грузчиков, приказчиков и возчиков. Аранеф особо и не рассчитывал на ополчение. Он рассматривал его использование как временную меру, пока под началом Эйтела не окажутся отряды Ианеи, и пока не вернётся Бовиас.

Последний поспел к Геллаве даже раньше оговорённого в послании срока. В такой спешке не было острой потребности, потому что письмо к герцогине могло попасть с запозданием, и чем зря ждать в условленном месте с малой свитой, лучше было б тогда уж прийти на место в сопровождении основных своих сил. Безопаснее, и возможностей для манёвра больше.

Но Бовиас хотел поскорее отбыть из столицы, чтоб избежать объяснений с братом, и ещё потому, что хотел в пути присмотреться к своим людям повнимательнее.

Да, он сменил командира непосредственно своего отряда, начальника штаба и всю свою охрану. Теперь предстоит поменять офицера, под командованием которого придут в Геллаву затребованные у герцогини войска. Причём ставить надо будет человека сильного, уверенного, знающего, который справится с крупными силами и – что самое главное! – захочет с ними справляться. Задача-то парню предстоит нерядовая, надо будет принудить к повиновению множество новых подчинённых, стиснуть в кулаке волю десяти тысяч человек так, чтоб без сомнений вести их за собой хоть бы даже и в Тусклый мир!

Так что – да! – надо выбирать стоящего, умного, опытного и так далее, но в первую очередь преданного себе лично.

Тут выбор очень небогат, ведь все люди, которые ему служат, так или иначе связаны с Овеянием, и что за «начинка» отыщется в душе каждого, если покопаться – покажет только время. Успокаивая себя, Бовиас подумал, что в конечном итоге у выбранного им человека не останется другого выхода, и вынужденные повиновение и усердие даже лучше, чем искренняя преданность. Она прочнее и обещает больше инициативы.

А пока длилось ожидание, принц нашёл лишнюю минутку, чтоб оглянуться по сторонам. Лучезарный разворачивался перед ним, но не такой, к какому он привык с детства. Может быть, виновата была погода, непривычно сумрачная, с намёком на дождь, но без него самого, а может, растерянность в глазах людей, попадавших по пути – у всех до единого.

Близ Ливы-Керст он остановился на полдня (до Геллавы оставалось всего ничего, а времени в запасе было полно), и здесь узнал, что, оказывается, лорды успели сообразить: неразбериху в королевстве можно использовать в личных интересах, потому что королевской семье сейчас не до них. И кое-какие их затеи стоили того, чтоб обратить на них внимание или даже забеспокоиться.

Вот, к примеру, граф Триб Дарим занял часть соседской территории, а барон Тегала блокировал Младшую Ливу, довольно крупный торговый город, требуя себе часть отчислений со всех сделок. Дальше всех пошёл владетель Четты: он захватил соседские владения целиком, женился на старшей дочери соседа и распорядился захваченными землями, словно так и было надо. Конечно, лорды учиняли всё это, используя только войска внутреннего охранения, и не спешили увеличивать свои армии за счёт обывателей, обладателей чисто гражданских профессий. Пока.

Услыхав последние новости, Бовиас зло сверкнул глазами. Вот что лучше всего говорит об ослаблении королевской власти! Междоусобицы Лучезарный оставил далеко в прошлом, но вот теперь они возобновляются, и это хуже, чем просто плохо. По идее королевской семье следовало бы собрать все силы и разгромить каждого из вассалов, посмевших решать свои проблемы самовольно, военными методами. Причём разгромить без жалости, поотрубать головы главам семейств, каждого из приближённых пугануть так, чтоб до смерти заикались и оглядывались. Вот-вот в Геллаву придут отряды из Овеяния – десяти тысяч должно хватить на всех местных смутьянов.

Соблазн был огромен. Да и долг принца этого требовал!

Но нет, всему своё время и свой черёд. Но уж потом, когда будет достигнута основная цель...

Он ждал в Геллаве три дня, и всё это время владельцы ближайших областей вели себя очень тихо. Они вроде бы уже и начали выяснять между собой отношения за плодородную пойму реки Элле, но тут словно бы разом потеряли интерес к спорным землям, даже разошлись по своим замкам. Но, конечно, никого не могли обмануть – очевидно, что они лишь отложили споры на потом, на более удобный, безопасный момент. Лорды, конечно, просто ждут, когда он уйдёт. Бовиас бесился молча и успокаивал себя, что когда станет королём, вспомнит всё и всем. Память у него хорошая.

Пока он ждал прибытия войск, мысленно перебирал в уме все факты, которые были для него важны или могли оказаться полезными, складывал элементы плана, как узорную мозаику, то так, то эдак. Обдумал одну идею, которая забрезжила у него какое-то время назад, и решил всё-таки рискнуть: вынул последнее письмо герцогини, присовокупил к нему короткое послание с просьбой по возможности дать ему побольше войск и, запечатав, отправил Ианее с посланником. Он признавал, что не годится для интриг, поэтому твёрдо решил действовать прямолинейно.

Если повезёт, сестра сделает правильные выводы и решит помочь ему отрядом-другим. Но, конечно, не сразу – сперва убедится, что он действительно, как и сообщил в письме, намерен действовать не против неё. Сам Бовиас бы тоже сперва постоял в стороне и посмотрел.

К исходу второго дня заботы о делах, делах и только делах утомили его, стали всё чаще уступать место отвлечённым размышлениям, а иногда и воспоминаниям. В них он надеялся отыскать поддержку или решение одной из проблем, прочно поставивших его в тупик. Думы о детстве, о семье были отрывочны и случайны, потому что семьи у него, по сути, не было, и своих нынешних соперников (то есть братьев и сестёр) он знал очень мало. Конечно, большинство детей короля воспитывалось при дворе, однако каждый на свой лад и в своём окружении. Братья и сёстры встречались чаще всего на официальных приёмах, празднествах, охотах, общего досуга или учения у них почти не было.

Семью Овеяния Бовиас знал ещё хуже. Герцогиня отправила его, пятилетнего, ко двору, к отцу, и он видел её не чаще трёх раз в год, да и то в основном издалека: великолепную могущественную красавицу (принц помнил её молодой), ведущую с придворными какие-то очень важные разговоры. Восхищение ею со временем сменилось опасением, подозрительностью. Он бы и теперь боялся матери, если бы всё ещё был ребёнком.

Отца приходилось видеть ненамного чаще. Детям король уделял ровно столько внимания, чтоб обозначить своё отцовство и выяснить, сколько они успели выучить по тому или другому важному предмету. Бовиас испытывал к родителю уважение, даже отчасти преклонялся перед ним, хотя считал, что тот был не без слабостей и недостатков, но уважительно молчал о них. Ещё он искренне уважал Эшема, старшего брата, и Конгвера, младшего, а теперь вот ещё Ианею, которая это заслужила. Но привязанности не испытывал ни к кому.

А кого, действительно, принцу было любить? Баронесса Витред, придворная дама герцогини, которая непосредственно занималась его воспитанием с самого младенчества, а потом старалась душевно поддерживать, уже пять лет как умерла. Близких людей не осталось. Даже приближённые у него сменились сразу после смерти отца. Даже слуг пришлось поменять.

Была у него, пожалуй, одна истинная страсть: тяга к справедливости вдобавок к желанию, чтоб жизнь королевства оставалась упорядоченной и правильной. Он всегда считал, что так и следует думать и желать человеку в его положении. Если другие братья не собираются добиваться порядка, значит, королём лучше стать ему.

Словом, вынужденное ожидание располагало к размышлениям обо всём на свете: и о судьбах королевства, и о каждом из братьев и даже сестёр. Бовиас начинал ощущать беспокойство, потому что перспективы государства по зрелом размышлении вырисовывались печальные. Столицу громят, водоворот боёв всё ширится. Вот теперь война придёт и в другие области Лучезарного, и сделать с этим ничего нельзя. Конечно же, он попытается уничтожить основной конфликт в зародыше, если успеет. Но он – только один из принцев, прочие же наоборот, изо всех сил раздувают пламя. Одна выходка Тейира чего стоит.

Спасти ситуацию мог только срочно проведённый Высший выбор, но с каждым днём это становилось всё менее возможно. Даже если служители согласятся провести церемонию наспех, посреди военных действий – как добиться, чтоб Аранеф и Тейир хотя бы у подножия храма Пламени встали лицом к лицу и не передрались?

Трудно было примирить себя с мыслью, что обстоятельства сильнее благоразумия и здоровой оценки ситуации.

Наконец ожидаемые войска прибыли в Геллаву – не десять тысяч, как он требовал, а только восемь, но зато лучшие, великолепно экипированные и подготовленные группы. Отряд, который должен был подойти от столицы и который ожидался уже буквально на днях, пока запаздывал, гонцов не отправлял, и Бовиас колебался, сомневаясь, на что решиться: ждать их или отправляться уже теперь, опираясь на имеющиеся восемь тысяч, а остальные силы будут нагонять?

Он понимал, что раз решился действовать, то задуманное надо осуществлять быстро. Поэтому в конце концов решил не ждать. В Геллаве можно было оставить своего человека, который направит подошедшие от столицы силы вдогонку, а пока хватит и того, что есть. Вызвав к себе командиров, принц заявил, в упор глядя на офицера, которого ещё раньше молча выбрал из числа своих людей:

– Ты! Берёшь под командование отряд Овеяния. Командиров сменяй по своему усмотрению, но отряд должен быть в боеспособном состоянии и безукоризненно повиноваться моим приказам.

– Слушаюсь, ваше высочество!

– Выступаем. Немедленно. На Овеяние.

Глава 2 Опорный

Обстоятельства складывались на удивление благоприятно. Роннар совершенно не ожидал, что визит принцессы, который принёс ему дополнительную серьёзную проблему, одновременно окажет такое благоприятное влияние на ход событий. Если его выступление на базаре Вейфе Мятлы, где он продемонстрировал себя и свой наследственный перстень, привлекло к нему внимание лишь какой-то части сельчан и дало небольшую дополнительную дружину, то теперь всколыхнулось всё Предморье. И поборник получил довольно доказательств собственной возросшей значимости. Куда уж больше, если к нему на службу пришёл проситься сам князь Беотрайда!

Это был седоголовый, приземистый, уставший от жизни человек, в глазах которого живое и жаркое пламя вспыхивало лишь тогда, когда речь заходила о власти. Ни богатство, ни роскошь стола или жилища, ни красота женщин не могли добиться от его души хотя бы слабенькой искорки интереса. Пресыщенный, попробовавший в жизни все наслаждения, он тянулся теперь только к власти, её осколкам и хотя бы намёкам на неё, только они горячили загустевшую кровь этого преждевременно увядшего человека. И он стремился к ней, пусть и в форме суррогата, всеми силами своего инстинкта самосохранения.

Что ж, Роннар вполне понял его задумку. Управлять областью князь уже не мог, из его пальцев выскользнули последние нити. Землю, реально оставшуюся под его влиянием, можно было обойти пешком за день. Он сам принёс поборнику весть о том, что бестии уже практически полностью оккупировали Айзел, и в Валквиде перерезали последний торговый тракт. Что же касалось Беотрайда, то даже горный Сецих пал, и войска оставили бестиям мощнейшую тамошнюю крепость, Слаик.

Так что самая большая часть Беотрайда, освобождённая от врага, находилась сейчас именно под контролем Роннара.

Но, более того – в нём люди видели овеществлённую надежду, спасителя, который один способен дать им защиту от нашествия из Тусклого мира. Теперь, когда весть о признании некоего хотимского поборника полноправным принцем и наследником старого короля словно лесной пожар неслась по Опорному, к нему приходило всё больше людей. Уже теперь Роннару хватало профессиональных солдат на каждую имеющуюся крепость или башню и добровольцев буквально на каждую крохотную заставу.

У новоявленного принца были все шансы победить.

Если присоединиться к нему сейчас, то потом, глядишь, когда принц наберётся сил, то щедро наделит своих первых сторонников землями, не обойдёт и другими наградами. Так ведь всегда бывает. Князь рассчитывал вернуть себе свой Беотрайд чужими руками, согласен был присовокупить к нему и другие земли. Он был уверен, что это его единственный реальный шанс, тогда как в ином случае жизнь не сулила ничего хорошего.

А ещё глубже лежала надежда на то, что, поскольку новоявленный принц жил простолюдином, служил в гарнизоне крепости обычным солдатом, привык подчиняться, им можно будет легко управлять. Тогда, прикрываясь сыном государя Лучезарного, князь приберёт к рукам всю его военную силу и добьётся ещё большей власти, чем имел раньше. Надежда на такую возможность окрашивала бледное сухое лицо почти юношеским румянцем.

Но уж это намерение Роннар легко угадал и сразу решил пресечь. Для начала, познакомившись с офицерами князя, сразу разделили их, разослал по новым посёлкам – принимать добровольцев, прибывающих буквально каждый день, следить за их тренировками, ставить в строй, формировать армию. Офицеры, конечно, не посмели возразить, и князь тоже подчи-

нился. Поборник ощущал странный трепет, распоряжаясь человеком, перед которым раньше был вынужден заочно преклоняться и повиноваться буквально любому приказу. Во время службы в Хотиме он даже его наместника ни разу в глаза не видел.

– Тебе пора позаботиться о своём знамени, – сказала Исла. – Если бабы сейчас начнут, то за пару месяц вышьют в лучшем виде.

– Какое ещё знамя? – проворчал он, потягиваясь.

– Любому военачальнику и вождю нужно знамя. Большое, красивое... Шёлковое. Например, золотой язык пламени на алом фоне. Разве это не символ королевского дома?

– Да, верно.

– Так давай, я бабам скажу. Думаю, в чьём-нибудь сундуке отыщется отрез подходящего шёлка. Ради такого дела любая пожертвует своим запасом.

Они уже какое-то время встречались. Девушка стала инициатором, она однажды пришла к нему ночью, бесцеремонно втиснулась под одеяло, и он не оттолкнул – во-первых, побоялся обидеть, а во-вторых, почему бы и нет. В конце концов, а зачем отказываться, если женщина пришла сама и ничего не требует? Только один вопрос он задал, когда на следующую ночь Исла снова оказалась в его постели: брат-то знает? С Трагвитом, хорошим бойцом, обещающим подрасти в дельного воеводу, ссориться ему не хотелось.

Она успокоила: знает. Всё понимает. Зачем Роннару волноваться об этом, если ни она, ни её брат не волнуются?.. Трудно было устоять. Обнимая гибкое, худошавое, послушное тело, он с облегчением ощущал, что вечное напряжение слегка его отпускает. Только в эти минуты ему удавалось по-настоящему отдыхать.

Чуть позже Роннар подумал, что она, скорее всего, возьмётся предъявлять на него какие-то особые права. Женщины часто так делают. К его удивлению и удовольствию, Исла требовала только одного: учи. Ещё учи, больше учи, и приёмы боя верхами тоже покажи, ты же обещал! Повтори вот этот приём и вот тот. А что нужно делать, если нападёт сразу трое бестий?.. Впрочем, даже с деловыми вопросами она приставала к нему в меру, когда видела, что он действительно может уделить ей внимание. Девчонка не раздражала, не давала повода грубо на себя прикрикнуть, отмахнуться, взбеситься на непонимание и назойливость. Она знала, как следует себя вести, покладисто держалась в тени, и потому возникшие отношения полностью поборника устраивали.

– Откуда сейчас возьмутся шелка...

– Мало ли что у кого может быть припрятано. Как же ты, принц и наш правитель, можешь оставаться без знамени? Это же символ. Как без него...

– Ну, делай что считаешь нужным... – Он полежал молча, наслаждаясь покоем. Ему единственному в посёлке досталась просторная отдельная комната, но с тех пор, как в Беотрайде вынужденно поселился Годтвер, друзья Роннара настояли, что одному ему ночевать не следует. Поэтому горница была перегороджена, и в получившейся проходной комнатке вечно толклись люди. Только когда они засыпали, возвещая об этом похрюкиванием и похрапыванием, поборник мог считать себя в относительном одиночестве, потому что уработавшихся парней до рассвета нельзя было разбудить даже горячими углями. Разве что крик «Тревога!» сработал бы.

Как раз такое время он и отдавал досугу с Ислой. Этому никто не удивлялся и никто их не тревожил. В эти минуты Роннар действительно принадлежал самому себе – тонкое удовольствие, которое располагало к благодушию. Потянуло на лёгкую болтовню.

– Странно, что ты так заботишься о моём знамени. Уж не сама ли думаешь вышивать?

– Я плохо вышиваю. А то б, конечно, поучаствовала. Дело-то благое.

– О-о, мне стоит задуматься! Знамена и плащи в песнях вышивают мужчинам жёны да подружки.

– То песни, а то жизнь. Подарки мужчинам делают ещё восторженные последовательницы. А чаще всего над вышивками трудятся наёмные работницы: швеи и вышивальщицы... Вот так – и никакой романтики.

– Если женщины отказываются от романтики, это что-нибудь да значит. А как же мечты о свадьбе, и вместе навсегда до смертного камня?

– А ты разве собирался на мне жениться?

– Честно? Вообще-то нет. По крайней мере, сейчас...

– Ну и мне оно ни к чему.

Он ещё чуть-чуть помолчал. Даже как-то заинтересовался.

– Странно. Обычно все девицы хотят замуж.

– О-о, девицы, как и мужики, хотят разного. Замужество – одна морока. Нужно совсем сойти с ума от парня, чтоб на это подписаться. Я замуж вообще не хочу. Но если уж когда-нибудь соберусь, то всяко не за тебя, будь уверен.

– Мда? – искренне удивился он. И, помолчав, решил поинтересоваться: – Если я настолько не угодил, то почему же тогда ты ко мне приходишь?

– Странный вопрос. Разве тебе не нравится?

– Нравится. Однако... Всё-таки странно.

– Ну, конечно, – сердито проворчала она. – Что же мне ещё было делать, чтоб ты точно не отказался меня учить?

– Кхм... – Роннар аж подавился. – Разве я отказывался?

– А разве нет?

Сперва поборник смутился. Действительно, от занятий с ребятами, жаждущими индивидуальных тренировок, он раньше отлынивал. Но потом-то смирился! Конечно, были и будут желающие потешить себя надеждой, что запредельное боевое искусство поборников становится хоть чуть доступнее, если позаниматься разок в неделю у одного такого. Ради сладостной надежды они были готовы выполнять любые распоряжения Роннара, повиновались ему безусловно, и их примеру машинально начинали следовать другие сельчане, которые изначально не надеялись учиться лично у такого великого человека. Новоприбывшие же подхватывали эстафету послушания уже без каких-либо рассуждений: делали так, как остальные.

– Нет. Такие ученики, как ты, мне нравятся – понимают, что абсолютных чудес не бывает, что ожидания должны быть в рамках разумного, что человек, может быть, способен стать хорошим воином, но всё-таки не таким, каким мечталось. Мне нравится, когда ребята смотрят на ситуацию трезво. Реально.

– Может, так и есть, – помолчав, прошептала она. – Но я уж лучше буду и дальше к тебе приходить. С тобой спокойнее. Теплее. – И прижалась к нему покрепче. – Ты ведь тоже рад?

– Угум... – Он молчал, закинув руку за голову.

Ему снова вспомнилась принцесса – такой, какой она предстала перед ним в первый момент их знакомства. Прекрасная, изысканная, поистине совершенная, воплощение того таинственного мира, о котором он если и думал, то только восторженно. Впрочем, вызывая в памяти образ Ианеи, Роннар размышлял не столько о Лучезарном, родине его отца, всех чаяний и надежд обитателей Опорного, сколько о красоте самой девушки.

Как-то не верилось, что она настоящая, реальная, что её можно коснуться и, может быть, даже поцеловать. Когда поборник поднял принцессу на руки, чтоб перенести через лужу, её тело: не эфирное, тёплое, упругое, ароматное – ошеломило его. Она оказалась подлинной, живой, её дыхание он ощущал на своём плече. И теперь не мог об этом забыть.

Роннар старался не возвращаться мыслями к принцессе и разговору с ней, но беседа с Ислей о браке настойчиво подтолкнула его к воспоминаниям. Он не считал, что вдруг взял и полюбил дочь короля, и тем, что предмет восхищения, между прочим, приходится ему

сводной сестрой, вообще себя не беспокоил. Какая разница, если ему просто хочется о ней думать, воображать её себе?

И в то же время что-то предостерегает слишком часто предаваться фантазиям о женщине из Высшего мира. Конечно, не потому, что близкая родственница. Просто потому, что она – другая. Она рождена и выросла в другом мире, принадлежит к совсем иному кругу общества, так стоит ли разбивать себе сердце?

Но попробуй выбрось из головы человека, к которому тянется твоё сердце, которым хочет наполниться твоя душа! Ещё хорошо, что времени свободного было так мало, что иной раз его не хватало даже на обстоятельный ужин, какие уж тут абстрактные размышления да мечты.

Нужно было готовить очередной поход для освобождения очередных остатков старой крепости. Таким уж был единственный в их положении реальный план: медленно, но настойчиво расширять сферу влияния с опорой на форты и замки, которые в свою очередь прикроют посёлки и хутора. Сейчас, когда территория, взятая людьми под контроль при помощи целой вереницы маленьких крепостей, так расширилась, народ уже сам требовал от Роннара: вперёд, в бой! Захватывать следующие старые развалины, строить ещё одно укрепление, срочно! Прямо сейчас, в преддверии зимы! Ну и что, что в разы труднее, чем летом? Зато к весне уже будет на что опереться, когда они станут распахивать новые поля; хватит им отдыхать! Нужно возвращать себе весь Беотрайд. Давно пора.

Роннар пожал плечами и распорядился готовить большую боевую группу.

– Только не говори, что собираешься взять с собой этого живоглота! – громко возмутился Килан.

– Ты о Годтвере? Собираюсь, конечно.

– Да он в первую же ночь тебя прирежет! Скажешь, его может остановить какая-то там клятва? Ты в это веришь? Ну скажи – веришь?

– Нет, конечно.

– Тогда зачем? Отправь его одного, а сам оставайся тут. Ты же говорил, что, мол, не так глуп, чтоб воевать с ним в одном отряде!

– Я передумал. Буду воевать, и уверен, что в походе он меня не посмеет ударить в спину. Одного же его с отрядом непустишь. Ты должен понимать – Годтвера обязательно нужно контролировать. И Аригис для этого не годится – он меня слабее как поборник, заметно слабее. Тем более он слабее Годтвера. К тому же, в отличие от меня, Аригис ему не господин. Он не признан правителем Предморья.

– Тогда бери Аригиса с собой! Двое против одного в случае стычки – вот и пожалуйста, больше уверенности в правильном результате.

– И так тоже нельзя. Получится, что вы останетесь совсем без поборнической защиты.

– Да мы как-нибудь...

– Не как-нибудь, а так, как я сказал. Аригис останется здесь, а Годтвер пойдёт со мной. Ясно? Готовь отряд.

– Тогда и я пойду.

– Что – считаешь, будто сможешь противостоять одному из самых сильных поборников Опорного? Идея, конечно, интересная, но вряд ли в случае стычки от тебя будет толк.

– Я попытаюсь. Бери меня с собой.

– Ладно. – Роннар пожал плечами. – Иди.

Отряд добровольцев собрали и подготовили намного быстрее, чем определились с целью и направлением. Самым желаемым оставался, конечно, Арисфорт, но до него было далеко, и всё время предстояло идти по территориям, контролируемым бестиями. Народ, воодушевлённый прежними победами, был уверен, что с принцем-то они хоть всё Предмо-

рье до последней пяди одним махом отвоюют, и громогласным разнобоем настаивал на Ари-сфорте.

К его мнению Роннар лишь молчаливо прислушивался. Он сомневался (тут либо надо много что просчитывать, и всё равно всего не предусмотреть, либо просто идти, уповая на удачу... Что ж, вся их теперешняя жизнь – одно подобное упование), но в конце концов решил – почему бы и не попытаться? Конечно, требовалась должная подготовка. Естественно, отбирать каждого бойца лично он не станет, и проверять снаряжение, оружие, припасы – тоже, ему не по статусу. А вот обсудить с приближёнными общие планы и выудить какую-нибудь ценную информацию из пленника стоит.

Роннар время от времени спускался в подвал, где по-прежнему выживал пленный бес-тия. Он уже начал более или менее изъясняться на человеческом языке, хоть и с трудом, и довольно-таки однообразно. Но на вопросы, имеющие хоть какое-то отношение к войне двух миров, отвечать отказывался по-прежнему. Однако поборник всё равно день за днём предпринимал новые попытки.

– Ты знаешь, кто я? – спросил он на этот раз.

– Знаю. Ты – оружие Золотых.

– Это ты про Лучезарный? – Бестия в ответ лишь ощерился. Странно это у него получилось: лицо искривилось ну совсем как морда у животного, показывающего клыки недругу. Но именно сейчас Роннару вдруг подумалось, что их противник всё-таки вполне человекоподобен. Два народа действительно похожи, и, может быть, даже способны иметь совместное потомство, а это о чём-то да говорит! Жаль, что мирно соседствовать они не будут никогда.

– Про Золотой говорю. Воюете вместе с ними. Бесчестные трусливые твари.

– Однако! Это вы приходите к нам, а не мы к вам! Что мы вас – хлебом-солью должны встречать?

– Ещё бы вы лезли к нам! – И снова скорчил рожу. Наверное, должно было получиться грозно, но вышло ни то, ни сё. – Сами не способны воевать, зовёте Золотых. За их спинами прячетесь. И что? Сейчас они не придут.

– Я здесь вырос. Думаешь, мне нужна чья-то сторонняя помощь, чтоб с вами справиться?

– Так что ж не справляешься, раз можешь?

– Разве у меня плохо получается?

– Зачем пришёл сюда говорить со мной, раз у тебя всё так хорошо и просто?

– А я любопытный.

Они обменялись неласковыми взглядами – оба видели друг в друге того, кого рождены были убивать. И всё же – одному было страшно и тяжело, и, несмотря ни на что, хотелось жить, хоть он, кажется, и презирал себя за подобную слабость, а второй догадывался, что без понимания сути того, что собой представляет их общий враг, им с ним не совладать. А главной цели так вообще не достичь без представления о мире в целом. Он ведь хочет освободить весь Опорный, а значит, ему предстоит и управлять им. Разве он это умеет? Нет.

Казалось бы, понимать и знать бестий нужно только для того, чтоб защищать Опорный, а не править им. Но в чём же ещё состоит задача правителя? Всем понятно: устроить жизнь подданных так, чтоб они трудились и преумножали богатства, и обеспечить им защиту от врага. Угроза нападения бестий останется навсегда, с этим можно только смириться. К тому же сознание Роннара щекотало любопытство и даже какое-то недоумение – Верхние миры воюют с бестиями с незапамятных времён, но что о них вообще известно? Поборники более или менее знакомы с тактикой и стратегией боя, с оружием, снаряжением, с примерным составом групп, а ещё что с врагом в бой иногда ходят их женщины. Но как бестии живут, чем существуют, есть ли у них государство, кто ими правит, чего они желают – нет.

А пора бы поинтересоваться.

- Что надеешься услышать? Наши тайны?
  - Хочу знать, зачем вы сюда идёте. Расскажи. Сомневаюсь, что это – тайна.
  - А почему нет? – удивился пленник.
  - Значит, всё-таки тайна? А сами-то вы знаете, почему вас сюда гонят? Вы-то согласны, чтоб вас сюда отправляли?
  - Конечно, согласны.
  - А как же то, что многие из вас тут гибнут? Разве добыча того стоит?
  - Сильные не гибнут. Сильные остаются. Погибнут лишние.
  - Значит, это самое важное – что останутся сильные? – медленно повторил Роннар и подумал: «Он бы, пожалуй, нашёл общий язык с Годтвером».
  - Ты слишком много спрашиваешь.
  - Я ещё даже толком не начал.
  - Убей меня, если хочешь что-нибудь узнать. Я тебе ничего не скажу.
  - Если решу узнавать тайны, то буду их узнавать, а не убивать.
- Бестия отвернулся, демонстрируя презрение и отвращение, но, кроме того, ещё и невольно открывая свою слабость. И поборнику даже показалось, что он понимает, о чём думает пленник: «Из-за вас я не знаю, сильный ли я или лишний». Впрочем, это наверняка была лишь шутка воображения, и только – откуда Роннару знать точно, о чём может думать нечеловеческое существо?
- Я уж постараюсь сказать поменьше.
  - И почему же? А если вопрос будет совершенно невинный – есть ли смысл идти на принцип? Есть и получше вариант. – Он попробовал наугад: – Ты мог бы, например, служить мне. Что скажешь?
- Глаза бестии сверкнули так, что его собеседник разглядел это даже в полумраке подвала. В этом блеске были такие живые и откровенные ярость, ненависть и бешенство, что принц во второй раз за сегодня подумал о похожести своего народа и их.
- Служить? Тебе? – Пленник изрыгнул целую череду фраз, должно быть, на родном языке, скрипучем и жёстком. Судя по звучанию и экспрессии – обычная насыщенная брань.
  - То есть нет?
  - Да иди ты к свиньям! К курам!
  - Может, ты имел в виду – в хлев? Ну, там – навозом давиться, например? Тут иногда так говорят.
  - Навозом давись, да!
  - А ещё, бывает, если человек довёл тебя своими разговорами, ему говорят, мол, дубину тебе в глотку поперёк. – Роннар ладонью показал, как именно. Бестия напряжённо следил за его жестами. – Или так: пасть раскорячишь – жопа треснет. Или ещё: чтоб тебе морду сракой скрутило.
  - Я не запомню.
  - Ну, тут уж сам смотри. Моё дело подсказать, твоё дело позабыть.
  - Зачем ты учишь меня говорить? Не скажу ничего.
  - Так ты забыл объяснить – почему не хочешь рассказывать совершенно невинные вещи? К примеру, расскажи: в чём ваша доблесть? Просто растолкуй, чем вы гордитесь. Восславь свой народ. – Принц удостоился чрезвычайно холодного взгляда. – Сейчас-то что не так?
  - Ты хочешь насмеяться. Но именно нас вы боитесь сейчас и всегда.
  - «Всегда боялись» – так правильнее.
  - Да, боялись.
  - Но ведь и вы боитесь Лучезарного. Тут мы совершенно на равных. Королевство уже много столетий вас сдерживает.

– Если б было так, вы б о нас забыли. Но вы помните и будете помнить всегда. И бояться всегда. Мы будем всегда.

– Значит, доблесть вашего народа в том, чтоб вас боялись?

– Дobleсть любого народа в том, чтоб побеждать.

– Некоторые народы, знаешь ли, предпочитают жить мирно.

– И в чём же их доблесть? – На Роннара снова взглянули с презрением. – Ты даже на собственном языке не знаешь различий между доблестью и... – Какое-то время он с трудом искал слово, а поборник терпеливо ждал. – И хорошим.

– Может быть, имеешь в виду добродетель? Благо?

– Не знаю. Может быть. Но доблесть – всегда в бою.

– Или в том, например, чтоб спасти свой народ от голода? Своих близких, родных, знакомых – от голодной смерти. Представь.

– А как спасти? Если человек стремится всеми силами накормить семью, деревню и потому трудится на земле, он правильный, добрый, само...

– Самоотверженный?

– Да. Но доблесть будет, если он на охоте победит великого медведя, кабана, ящера, чтоб их съесть. Это то же, что война.

– Допустим! – Роннар даже увлёкся, задумался. – Пусть так. А что же тогда есть ваша высшая добродетель?

– Что?

Поборник попытался объяснить, и постепенно, кажется, самого себя начал лучше понимать, а заодно и то, чего в действительности желает от собеседника. Странно было войти в один ритм мышления с существом из другого мира (даже если это только показалось). А уж правильно ли тот его понимает, или, наоборот, ошибается, Роннара беспокоило мало – лишь бы продолжал разговаривать.

Но увы, даже получая время от времени вымученные, раздражённые ответы, реальной пользы он от них не видел. Если судить по обмолвкам, народ бестий практически не отличается от человеческого, может быть, лишь чуть примитивнее. Но если бы бестиям о людях рассказывал пленник, едва освоивший их язык и путающийся в словах, наверное, у них возникло бы примерно такое же впечатление. Или хуже – слабые зависимые глупцы, разобщённые и не способные понять, за что сражаются, такими бы они представились врагу.

В общем, толку от этого разговора было так же мало, как и от собственных предположений.

Разозлённый, Роннар как следует запер подвал, показал дозорному глазами, чтоб был бдителен – и почти сразу нос к носу столкнулся с Годтвером. Можно было подумать, что тот караулил где-то поблизости, и это удивило принца – он привык, что побеждённый поборник избегает его с того самого дня, как проиграл поединок.

Роннара мало беспокоило, как там его противник пережил поражение и сильно ли он страдает – даже подобной мысли не возникало. С другой стороны, Годтвер оставался очень серьёзным противником и пусть временным, вынужденным, но союзником, от чьей способности эффективно сражаться зависело многое. Его отношение к сложившейся ситуации всё-таки имело значение. Просто Роннар всё не мог решить, с чего начать беседу, и поэтому просто не начинал её. Рано или поздно всё само должно было разрешиться.

А раз они теперь вот так столкнулись – что ж...

– Меня ждёшь?

– Жду, – угрюмо ответил Годтвер. – Побеседовать.

– Давай беседовать, я готов.

– По слухам, ты прямо сейчас вознамерился ломить Арисфорт? С ходу, без настоящей подготовки? Есть что-то, о чём я ещё не слышал?

– Сейчас самое подходящее время, бестии ушли в сторону Драготины, мы должны воспользоваться случаем.

– Случаем? Мы ничего не можем знать наверняка. Ты, я вижу, действительно вообразил себя всемогущим?

– Тебя должно волновать только твоё дело.

– Думаешь, я мечтаю сложить голову в самоубийственном рывке?

– Подозреваю, что нет. Но в тот момент, как ты пришёл сюда, у тебя не осталось выбора.

– Выбор есть всегда. Я могу убраться отсюда и жить где-нибудь у подножия Лестницы, куда твари доберутся не скоро – хоть и простым человеком, не поборником, но жить.

– Перестав быть поборником, ты отсюда живым не выберешься и прекрасно это понимаешь. – Роннар хмурился. – Ты зачем пришёл – торговаться?

– Спросить, к чему были такие сложности. Мог убить сразу, но захотел вроде как чистеньким остаться, добреньким? Чтоб со мной бестии расправились, а ты вроде как и ни при чём? Но не родились ещё те бестии, которые меня укукошат, так что в стороне тебе постоять не получится.

– Мне противопоказано быть добреньким и стоять в стороне. Что же до твоего страха за свою жизнь, то не огорчайся: если бестии уничтожат арисфортский отряд, то вместе со мной, так что помрёшь в почётной компании.

– Вот как? Был уверен, что ты ни за что не решишься идти с отрядом.

Принц шагнул к нему и встал почти вплотную. Они были примерно одного роста, так что смотрели глаза в глаза, прямо. И так почему-то даже стало проще. Откровенное противостояние снимало любые трудности в общении – с ним изначально всё понятно.

– Если понадобится, я расправлюсь с тобой ещё раз. И ещё раз. Столько, сколько будет нужно.

Поборник из Остремборха смотрел спокойно, без тени обиды или напряжения. Похоже было, что и ему простая, понятная ситуация нравится больше притворной вежливости. Вот есть их взаимная неприязнь – и возможность выяснить отношения хотя бы на словах. Помужски. И больше ничего не надо.

– Допускаю, что так, – сказал он и даже ухмыльнулся. – И спорить не буду. Меня интересует кое-что другое: лучезарная принцесса действительно приезжала сюда только затем, чтоб сказать тебе, мол, выгребай сам? Или ты принципиально не просишь помощи Верхнего мира? Считаешь, будто способен весь Тусклый мир на одном пальце провернуть? А за чей счёт планируешь геройствовать?

– Напоказ беспокоишься о себе. А разве это не долг поборника – биться с бестиями? Большого мне от тебя и не нужно.

– Я поборник, но не самоубийца. Говорю же – если есть возможность получить подмогу из Верхнего мира, этим надо пользоваться. Почему ты не ведёшь с ними переговоры об этом, ведь их помощь была условием нашей верности Лучезарному? Если у кого-то и есть возможность договориться с Престолом, то у тебя.

– Нет такой возможности.

– Почему же?

– Ты крутился при остремборхском дворе и не слышал ничего о спорах, которые разгорелись в Верхнем мире между принцами? Нам сейчас никто не поможет, придётся пока обходиться своими силами.

Годтвер красиво искривил губы. Чувствовалось, что он – человек твёрдый и решительный, бескомпромиссный, знающий, что такое настоящая власть, умеющий надавить, когда потребуется.

– А может быть, твои связи с королевской семьёй не так уж и прочны. Как мне помнится, разговор с принцессой был напряжённым.

– Я не сомневался, что ты очень мало понимаешь в делах королевской семьи.

Роннар знал, что в этом вопросе его уверенный вид и апломб решат всё – как собеседник смог бы проверить его слова? Он будет смотреть только на принца и по его реакциям сделает выводы. Так вот нужно, чтоб реакции были правильные, и выводы, соответственно, тоже. У Годтвера здесь не было друзей, его мнение мало кого волновало, но всё-таки он поборник, и, по мнению обывателей, понимает в бестиях больше, чем кто-либо. Если он поднимет панику, ему поверят. Конечно, заставить остреборхца биться до последней капли крови принц не в состоянии, но он собирался выжать из полезного и вместе с тем опасного собрата всё, что только сумеет.

Группу собрали большую, хотя на носу была зима с её холодами и трудностями, а дальше – весна и полевые работы. А ведь кампания могла сильно затянуться. Слеплённые прекрасными перспективами сельчане заверили, что в случае чего справятся без помощи солдат. Женщины, подростки и старики сами обмолят зерно, перед холодами перепашут землю, а весной выйдут с плугами, и к осени деревни будут с хлебом. Мужчины же пусть себе спокойно воюют.

Экипировку и припасы погрузили на огромные телеги, словно собирались на край света и на много лет, хотя из посёлка на мысу им предстояло идти через цепь укреплений до самого Ишмефорта, где тоже будет чем пополнить запасы. Грузили даже тёплые палатки, даже корчаги для воды – в землях, где так долго хозяйничали налётчики из Нижнего мира, наверняка не осталось ничего, и колодцы изгажены тоже. Земли, лежащие за пределами освоенных, казались такими же страшными и смертоносными, как сам Тусклый мир, где никто никогда не бывал, поэтому придумывать можно было что угодно.

Конечно, за лето случилось очень много стычек с бестиями, но всё же разницу чувствовал каждый: больше не приходилось в любой момент подхватываться в чём было, с женой и детьми в охалке бежать, бросив всё, от последнего скарба до урожая на корню, прятаться в лесах и знать, что вернёшься к спалённому дому, разорённой делянке, а дальше выживай как хочешь – без припасов, без вещей, без крыши над головой, без надежды. Теперь всё было иначе. Да, бились на смерть, страдали от ран, гибли, а те, кто выживал, работали, практически не выпуская оружия из рук, всё время настороже. Но теперь у людей уже была какая-то уверенность в завтрашнем дне, и они знали, что после боя вернуться в свои дома, будут есть свой хлеб, и поля будут защищены, и огороды уцелеют, и скот удастся сохранить, а на будущий год, может быть, удастся распахать даже больше, чем есть сейчас.

Конечно, по сравнению с недавними мирными временами нынешняя жизнь показалась бы кошмаром, но обыватели-то сравнивали её с предыдущим разгромом и ужасом, и новшества очень воодушевляли.

В форте Габеша отряд почему-то встретили как героев, их чествовали и пили за их здоровье, причём затеяли такой праздничный тарарам, словно бойцы уже вернулись с победой, завоевав весь Нижний мир. Роннару не понравился этот настрой – словно смертников в бой провожали. Но никто не попробовал отговорить принца от похода – значит, верили в счастливый исход. Он знал своих людей, они костями бы легли, но помешали бы своему лидеру и своей главной надежде идти на самоубийственное в их понимании дело.

До форта Ишмей отряд добрался без приключений – бестии пропали где-то на просторах Иоманы и себя не обозначали. Крестьяне Ишмея пользовались этим и потихоньку отмечали окончание страды, но, разумеется, делали это с оглядкой, понимая, что в любой момент враг может снова налететь, и пирующие заплатят за развлечения жизнью. На внешнем дозоре – на подступах к форту – трое бойцов сидели с маленьким бочонком эля, однако были почти трезвы, что и доказали, мгновенно выскочив встречать принца и сопровождающих.

После захвата Роннар успел побывать здесь уже пару раз, но приезжал не более чем на день. Оба крупных налёта бестий на крепость прошли без него, но ребята под предводи-

тельством Баташа, молодого каменщика из Мятлы, справились. Они отстроили то, что было нужно, укрепили ворота, навезли припасов и смотрели в будущее бодро. Теперь их было уже не тридцать, а намного больше – беженцы прибывали, и их отправляли обосновываться на дальних рубежах, сразу с жёнами, детьми, скотом и всем скарбом. Трудяги уже начали готовить пашни вокруг Ишмея, осваивались в окрестных лесах, выбирали там деревья, пригодные для строительства, и, конечно, не забывали о дровах. Всё было продумано.

– Что это у тебя дозорные пьют на посту? – весело поинтересовался Роннар, столкнувшись с Баташем в воротах.

– Они не пьют, – мгновенно нашёлся тот. – Они греются. А как ещё? Холодает.

– Эдак можно догреться до того, что проснёшься с мечом в брюхе.

– Ну, уж на такую глупость ни один из них не способен, я их знаю. Не волнуйся, господин.

– Зови меня просто по имени. Ну, проще же.

– Не-е... Нашей породе всегда проще иметь господина, и чтоб при этом ещё был своим парнем, чтоб с ним можно было договориться. Ты ж не против?

– Я только за. Как у вас дела?

– Отлично. Бестии таскаются по окрестностям, но на форт не лезут. Пытались подловить нас во время вырубок, на охоте. Понятное дело, мы маленькими группами не ходим. Мы им наподдали.

– Как охота?

– Приличная. Зверя полно, и он непуганый. Мы без труда протянем до весны. У нас маловато зерна, но мяса, сала, рыбы хватит. Ещё грибы, ягоды, яблоки, орехи... Бабы постарались.

– Как они не боятся выходить за стены?

– Устали уже бояться... Взглянешь, как мы сделали стену?

Поселенцы действительно постарались укрепить Ишмей, добавили частокол на подходах к воротам, вырыли свежий ров. У бестий не было осадных орудий, обычно они штурмовали замки со стороны ворот, и лишь единицы из них пытались в это же время перелезть через стены. Теперь их тактика была известна, и на выносных укреплениях гарнизон надеялся держать основные вражеские отряды меньшими силами. Ну, а для тех, кто полезет по стене, были подготовлены рогатины и чаны с кипятком. Приятного полёта, гости из Нижнего мира!

Роннар одобрил двойной частокол с подмостками и бойницы, сконструированные и для того, чтоб удобно было стрелять, и для сталкивания вниз карабкающихся. У поселенцев были не только каменщики и мастера работать по дереву, но и кузнецы, так что арсенал успешно пополнялся. К тому же беженцы приходили сюда пусть и с малыми запасами, почти без скарба, без ценностей, но обязательно с оружием. Они готовы были драться с кем угодно, хоть с самими богами бестий.

Баташ проводил гостей внутрь крепости и продемонстрировал, как здорово тут всё устроено. Прежние следы запустения ещё бросались в глаза, но Ишмей уже изменился. Теперь его приспособляли для жизни множества семей, среди которых ни одна не находилась на особом положении, так что в господских залах в донжоне, основательно разграбленных и загаженных бестиями и мародёрами, а потом аккуратно вычищенных, разместились жёны и дети самых первых поселенцев. Самых удачливых.

Вряд ли они способны были оценить старинные деревянные панели с резьбой, которыми были отделаны стены, роскошную мебель – ту, что сохранилась, самую массивную – но вот великолепные удобные очаги и окна, набранные из мелких кусков стекла, наверняка их радовали. Сам Балаш с женой и двумя маленькими дочерьми спал на огромной кровати коменданта, но настойчиво предложил её Роннару и убрался ночевать в соседнюю комнатку.

Во всех помещениях, где поселились беженцы, были наставлены сундуки со скарбом и настелены циновки, иногда и в два слоя. По ночам от дверей уже сквозило холодом, а ведь большинство устраивалось на полу, развернув тюфяки там, где имелось свободное место. Циновки немного спасали. Женщины всюду развешивали сушащееся бельё, расставляли чаны с засоленными грибами и тыквами – приходилось смотреть в оба, чтоб не запутаться или запнуться обо что-нибудь. Но что сказать: вся эта неразбериха добавляла крепости определённого уюта. Посмотришь на неё – и поймёшь, что обосновавшийся тут народ не так-то просто будет выкурить отсюда. Люди уже пустили корни.

Отряд предполагал остановиться в Ишмее не больше чем на день, но получилось иначе. Уже ночью начался дождь и к следующему полудню превратился в ливень. Путешествовать в такую погоду можно было лишь по остройшей необходимости, так что поборник решил повременить. В крепости жарко топились больше десятка очагов, у них так приятно было сидеть, попивая свежее молоко или эль. Конечно, в твердыне стало очень тесно, ведь к имеющимся поселенцам добавилось больше сотни человек, но крестьянам было не привыкать к тесноте.

Ливень продолжался три дня, и дороги размокли настолько, что любая телега, даже вовсе не нагруженная, завязла бы по ступицу, едва выехав на дорогу. Коням, несущим всадников, тоже пришлось бы трудно, о чём Годтвер, нахмурившись, заявил Роннару напрямик. И хотя принц подозревал своего спутника в желании увильнуть от участия в опасном путешествии, на этот раз к его суждению он прислушался. Годтверу в любом случае не улизнуть от встречи с бестиями.

– Придётся нам погостить у вас ещё денёк-другой, – сказал Роннар Баташу.

– Будем только рады. Жаль, конечно, что нельзя вывезти из леса заготовленные брёвна – столько народу живо бы всё притащили. Но можно поставить большие сети, а ещё начать кладку северной стены. Она хиловата, её надо укрепить. Что скажешь?

– Распоряжайся ребятами как считаешь нужным.

– Только не мной, – резко напомнил Годтвер.

И вызывающе посмотрел на предводителя. Видно было, что он не прочь поспорить, причём так, чтоб все слышали. Принц с деланным равнодушием покосился в его сторону.

– Ладно, тогда тобой буду распоряжаться я.

Они померились взглядами, но видно было, что вести к конфликту прямой дорогой остреборхский поборник не хочет. Видимо, понимает, что Роннар здесь, считай, царь и бог, за него встанут все обитатели крепости, и не дай бог дойдёт до мордобития – поборники ведь тоже гибнут. Их неуязвимость очень и очень условна.

Так что в лес – выволакивать заготовленные брёвна – Годтвер отправился вместе со всеми. Земля напиталась водой так, что сапог в ней иной раз увязал аж до верха голенища, и кони не везде соглашались идти, но мужики надеялись, что строительный материал удастся выволочь к крепости, если впрячь в каждое бревешко по две лошади, и если им станут помогать побольше крепких ребят. Трудиться предстояло всем. Роннар намекнул Килану, что, мол, присматривай за нашим беспокойным высокородным гостем. Если будет отлынивать, мигнёшь мне.

Но гость не пытался отлынивать. Мокрый, грязный и злой, как все, он засучил рукава и впрягся в работу наравне с остальными. Он покрикивал на лошадей и иногда – на помощников, и действительно сумел выволочь из зарослей самое сложное бревно, наполовину утонувшее в свеженьком буреломе. После чего, отряхивая руки и отдуваясь, подошёл к Роннару.

– Толку от этого дерева мало. Неправильно выдерживали, оно заплесневевает. Его ещё сушить надо.

– Не на древки же. На частокол, на балки и прочее.

– На балки дерево надо даже старательнее сушить, чем на дровки. Древо заменить – дело плёвое: снял, обтесал, надел, да и всё. А как меняют балки – знаешь? Надо всю крышу снимать. Или выкручиваться, ставить подпорки, вынимать, рискуя всё это уронить себе на голову. Надо было деревья готовить, как на лодки: на корню обтесать кольцом над корнями и год держать.

– Какой год? Мы сюда пришли только два месяца назад. Двух месяцев ещё нет. Надо срочно, какая выдержка?

– В такой ситуации лучше делать сперва временную крышу, потом капитальную возводить. Но, конечно, если они ждут, что бестии станут и на крыши прыгать, то понимаю, придётся сделать много лишней работы.

– Жить под камышовыми крышами при здешних ливнях и снегопадах – не самый лучший вариант... А ты, значит, разбираешься в строительстве?

– Кое-что понимаю. Ты обо мне имеешь странное мнение. Считаешь, я просто придворный, и только? Ошибаешься. Человеку моей профессии надо понимать в жизни очень многое.

– Зачем поборнику знания о плотницком деле или ремесле каменщика?

Годтвер криво усмехнулся.

– Поборник – тоже рабочий человек. Можно относить солдат, офицеров и поборников к особой касте, но положение вещей это не меняет. Война – тяжёлый грязный труд, такая же работа, как и у строителей. Даже хуже, я б сказал.

– Сетуешь?

– Зачем же... Зря смотришь на меня с презрением. Опасение понимаю, я действительно опасен, но презрение-то к чему? Я, как видишь, не презираю ни крестьян, ни других трудяг. Если нужно, буду вместе с ними месить грязь. Поверь, я уважаю рабочий люд, они-то знают, как тяжело даётся жизнь и чего она стоит. Могу, как видишь, и сам поработать: как руками, так и мечом, ради общего блага. За что же меня презирать?

Принц слегка сузил глаза.

– То есть своей главной идеи ты не оставил?

– О чём речь?

– Ты сейчас признаёшь, что будешь продолжать резать поборников?

– А почему я должен прекращать?

– И это ты мне говоришь?

– Я твоих решений не оспариваю. Что тебе не нравится?

– Ты оспариваешь решения короля, если я всё верно понял.

– Короля больше нет. Раньше, когда он жил, можно было говорить о священности его воли. Да и тогда, когда жил, много ли внимания он уделял Опорному? Разбирался ли в нашей жизни? Он священен, да, но он человек и может ошибаться.

– Любой из наших соотечественников сказал бы, что ты богохульствуешь.

– Наших? – иронично переспросил Годтвер, и в глазах его полыхнуло отчётливое: «Не примазывайся». – Ты же лучезарный.

– Я прожил здесь всю жизнь.

– И что? Ты – лучезарный, сам же об этом и говоришь. Ты – принц.

Роннар на миг отвернулся, переживая малоприятную мысль: «Вы считаете меня лучезарным, лучезарные – опорным, нигде я не свой и всюду буду чужим, и это лишь чуть-чуть будет смягчено почтением. Сомнительное наследство мне досталось от отца». Но роптать на судьбу было некогда и как-то глупо, нелепо. Поэтому, отбросив обиду, он вернулся мыслями к сути проблемы. Отношение к Годтверу перемешалось в его восприятии с трудностями собственного бытия. Роннар вспомнил имена погибших поборников и нахмурился.

– Как бы ты ни относился к власти короля, он остаётся королём, государем обоих миров. А ты решил, что лучше него знаешь, как распорядиться вселенской магией.

– На долю Опорного и без того досталась суцная малость, так какого чёрта было так её размазывать по сотням неумех? Может быть, изначально всё планировалось иначе, по-умному, но потом пошло через пень-колоду, а королю не было дела до такой мелочи. И теперь мощь, способная сдерживать бестий, рассеяна так, что толку от неё меньше, чем если бы её вовсе не было. Если бы не было, лучезарные бы знали об этом и считали своим долгом что-то делать. А теперь они всё пустили на самотёк, и самотёк увязает в грязи по брюхо. Сам видишь. Развелось слишком много бесполезных поборников. Я оказываю Опорному услугу, убирая их.

– Ты в самом деле в это веришь?

– Странный вопрос – разве б говорил, если б думал иначе?

– Прямо и откровенно рассуждаешь об убийстве поборников, словно о самых обычных вещах. Открыто и спокойно. И считаешь, что так и надо?

– Признаю, идея очень необычная, ну так и что? На необычных идеях, может быть, мир держится! Когда толковых поборников в мире останется самое большее десяток, может быть, и с бестиями проще будет справиться.

– Десятком бойцов?

– Один, может, в поле и не воин, но поборник – в разы серьёзнее, чем какой-то там солдат. Если магии в руках каждого из нас станет побольше, глядишь, десяток превратится в настолько мощное оружие, что его хватит на все тупые орды.

– Бестии, увы, не тупы.

– Да плевать! У поборников будет больше магии, и они смогут сделать больше. А сейчас большинство их только в носу ковыряют, а дело не делают. Даже бегают от него. Зачем они нужны?

Ответ был настолько очевидным, а абсурдность идеи Годтвера – настолько бесспорной, что Роннар лишь головой покачал и промолчал. Ну а как утверждать очевидные вещи тому, кто просто и откровенно не признаёт их существования? Какими словами объяснять, что небо всё-таки синее, а трава зелёная, а люди, прежде чем умереть, должны сначала родиться?

– Мне плевать, что ты там себе задумал. Но имей в виду: на моих землях твоя попытка затеять драку с любым из поборников приведёт к одному-единственному результату – я буду вынужден вмешаться. И поверь, разбираться, кто больше прав, я не стану. Просто расправлюсь с тобой.

– Кто бы сомневался, – скривился остреборхский поборник. – Ты ко мне пристрастен и даже этого не скрываешь.

– Как и ты – открыто рассуждаешь о своих намерениях, которые иначе, как богохульную мерзость, воспринять нельзя. Так что мы на равных.

Годтвер утробно расхохотался и даже поднял руку, чтоб хлопнуть собеседника по плечу – но всё-таки не рискнул.

– А ты уже меня с собой равняешь? Мне должно быть лестно?

– А разве нет? – Роннар позволил себе больше холода в голосе, и его слова зазвучали останавливающе и очень солидно.

Тогда поборник развёл руками с выражением лица, говорящим: «Ну, не злись, болтали же по-дружески, зачем всё портить?» и отступился. Ушёл. Принц проводил его взглядом, пытаясь понять, кажется ли ему этот человек более опасным оттого, что не скрывает своих странных взглядов и страшных намерений, или же наоборот. С одной стороны, тайный враг всегда опаснее, с другой – не приходится рассчитывать, что у человека, который так свято уверен в своей правоте, дрогнет рука убить другого человека. Хотя в нынешних условиях, перед лицом общего недруга, убивать представителя своего народа, если он не угрожает тебе

прямо, выглядит таким же святотатством, как обсуждение решений и поступков Лучезарного короля.

Однако достаточно вспомнить мародёров. Этим всюду хватает. У них рука поднимается и опускается без каких-либо проблем. Можно считать их нелюдями или чем угодно, но они существуют. И вот такие идейные борцы с братьями по профессии – тоже. Пожалуй, можно даже ждать проявления последователей Годтвера из числа поборников, чем чёрт не шутит. В поборники тоже иногда попадают люди самые разные, с самыми разными идеями.

Глава 3 Лучезарный

– Герцог Агелен предложил тебе брачный союз. Ты уже знаешь? Прислал троих своих приближённых, с подарками. Ты их уже видела?

– Нет. Ты ведь знаешь, я только сегодня вернулась. Мне не до подарков.

– Взгляни. Обязательно. Подарки вполне достойные. Герцог предлагает сыграть свадьбу уже в том году и обещает тебе всю свою армию. Пятьдесят тысяч человек. – Ианею передёрнуло. Конгвер это, конечно, заметил и, помолчав, уточнил: – Тебе неприятен этот человек, или же вообще подобная тема разговора?

– Я считаю, что вопрос брака дамы моего положения слишком важен, чтоб выходить замуж ради армии, даже если она пятидесятитысячная.

– Как сказать. В нашем положении...

– В каком таком особенном положении мы оказались, о чём ты говоришь!

– Если ты получишь войско Агелена, то станешь обладательницей самой большой и сильной армии Лучезарного. Прямо теперь. События развиваются стремительно, даже потерянные дни могут решить судьбу мира, что уж говорить о месяцах.

– Да, Аранеф, похоже, не справляется с ситуацией, – в глубокой задумчивости пробормотала Ианея.

– Ты могла бы не давать герцогу определённого ответа, попробовать потянуть время, а пока воспользоваться, может быть, если не всей его армией, то хотя бы частью.

– Мне кажется, это плохой вариант. А что касательно Лары? Может быть, герцог предпочтёт взять в жёны её и дать армию тебе?

– Нет. – Конгвер грустно улыбнулся. – Кандидатуру Лары стараются всеми силами обходить. Не отказывают прямо, но уходят от ответа. Проблема, конечно, в том, как она овдовела. Я имею в виду – в моей расправе с низхимцем. Видимо, возможные женихи сомневаются, что всегда смогут держать себя в руках, и боятся рисковать головой. Надеюсь, сестра не попеняет мне в будущем за то вмешательство.

– Она выйдет замуж, обязательно выйдет. Видимо, за мужчину, который будет слишком увлечён ею и от всей души поверит, что их супружество станет безоблачным, а если вдруг скандал, так они обойдутся словами.

– Именно так и должно быть... Подумай о браке с герцогом. Ты можешь выйти за него, а в дальнейшем развестись, если будет трудно.

– Вступать в брак с мыслями о разводе – не дело, Конгвер. И обман может нанести моей репутации такой ущерб, что все преимущества превратятся просто в ничто.

– Пожалуй. – Он помолчал. – Ты ведь была в Опорном мире – что можешь о нём сказать? Вероятно, как раз там мы сможем набрать отличную большую армию и обойдёмся без герцога.

– Боюсь, нет. Обстановка и там складывается сложная. Нашествие бестий далеко от завершения, его необходимо отражать. Князя Опорного нам армию не дадут.

– Как всегда. Если у них возникают проблемы, мы должны им помогать, но помогать нам они почему-то обязательным для себя не считают.

– У них тоже проблемы, я ведь говорю. Увы, обстоятельства таковы, что лучше нам обойтись своими силами и ресурсами.

– Своими, – криво усмехнулся Конгвер. И покачал головой.

Его сомнения были понятны. Лучезарный несколько столетий не знал настоящей войны. Случались какие-то локальные недоразумения, стычки между лордами, спутавшими,

где своя, а где чужая межа, даже восстания, впрочем, редкие и какие-то бледные, словно бы ненастоящие – короли легко их подавляли. Как-то так повелось, что регулярная армия Лучезарному оказалась не нужна, обходились личной охраной и отрядами представителей знати, очень немногочисленными, а ещё полицией, поддерживающей внутренний порядок, и королевской гвардией, самой настоящей элитой вооружённых сил.

Обычно лорды держали при себе не более чем пяти- или восьмитысячное войско – достаточно, чтоб навести порядок, подавить какое-нибудь мелкое выступление бедноты, отыскать и покарать даже самую крупную бандитскую банду. К тому же, расходы на такой отряд были очень умеренными. Зачем, собственно, было тратиться на содержание и экипировку большой дружины, если ситуация почти никогда не требовала крупных сил?

Вот и получалось, что разом собрать миллионную армию мог только король, которому, безусловно, были подвластны и личные отряды, и гвардия, и полиция, и мобилизацию мог провести только он. Но как же давно это происходило в последний раз!

– Мы же раньше замечательно обходились своими силами, пока не взяли Опорный под свою руку, – прохладно отозвалась принцесса. – Придётся обойтись и сейчас. – И, поразмыслив, добавила: – Я поговорю с герцогом Агеленом. Если он действительно такой любезный кавалер, то почему бы ему не помочь своей принцессе? У него будет время подумать – я полагаю, пока преждевременно идти на Овеяние. Решим другие проблемы и соберём большую армию, тогда и займёмся герцогиней.

– Кого же ты предлагаешь сделать первоочередной целью? Неужели собираешься идти на столицу? – Конгвер нахмурился. – Мне кажется, это неудачный шаг.

– Согласна. Пусть Аранеф разбирается с Тейиром, это его дело. Я же пока предполагаю взять под наш контроль большую часть Синеарда, или весь, если удастся. Вся эта треть государства должна стать нашей твердыней.

– Допустим. Но армии следует собирать уже непосредственно перед началом кампании, Ианея. Содержание армии – слишком дорогое удовольствие. События в Лучезарном придётся спланировать с точностью до дня и добиться того, чтоб они шли в соответствии с нашим планом. А до назначенного момента что будешь делать с огромным войском? Или думаешь пока отправить собранную армию вниз, повоевать в Опорном? Рискованно. Её потом трудно будет оттуда вытащить.

Лицо молодой женщины на миг исказилось. О чём она подумала, Конгвер, конечно, не понял. И не спросил.

– Верно. К тому же бестии – как тараканы, их гонишь, а они возвращаются. Надо травить всех сразу, но пока такой возможности нет.

– Откуда у принцессы познания о тараканах? – весело изумился Конгвер. – Неужели тебе приходилось с ними сталкиваться?

– Слышала это выражение от одной из служанок. Она, кажется, говорила о кухонных мальчишках.

– Она собиралась их травить?

– Свет истинный, Конгвер, не знаю! Почему меня должно было это волновать? Ты ведь понял, о чём я говорила, что имела в виду!

– Конечно, понял. Не волнуйся. Лучше я сам отправлюсь в Агелен и сделаю его нашим союзником. Предоставления готового войска пока требовать не буду, но прослежу, чтоб всё было готово. И Лару больше никому не стану предлагать. Достаточно одного раза.

– Думаю, ты прав. Лара ведь тоже может стать королевой. Не дело торговать ею, словно нетелью.

– Ты так смотришь на мой поступок? Как на торговлю сестрой?

– Нет, так я смотрю на поступок Аранефа. Ты же вмешался – в отличие от него. А ведь она и его сестра тоже.

– Я думаю, Аранеф перестанет видеть в братьях и сёстрах одно только препятствие лишь тогда, когда станет королём. Может быть.

– Думаешь, королём станет он?

– Он может.

Ианея пожала плечами.

Её мнение о старшем брате сильно изменилось. Конечно, в нём всё ещё чувствуется сила, и энергии не занимать, но чего-то значимого ему определённо не хватает. Возможно, широты взглядов, остроты мышления, умения выделить главное и отбросить второстепенное. Пожалуй, что так. Всем этим в достатке обладает Конгвер, но у него тоже есть недостатки. Это верно, оба они не блистают, потому что каждому не хватает черт характера, свойственных другому брату. Будь Аранеф вдумчивее, разумнее, внимательнее к своим и чужим суждениям... Будь Конгвер чуть решительнее, пылче, авантюرنее, позволяй себе почаще поддаваться первому движению души и действовать по наитию... Тогда у неё было бы только одно затруднение: решить, кто из них двоих станет лучшим королём.

Снова и снова Ианея перебирала имена: Аранеф, Конгвер, Эшем, Бовиас... Тейир, внезапно показавший себя с такой стороны, с какой никогда не показывал... Есть ещё Хильдар, тёмная лошадка, от которой хорошего не жди, и Гадар, который где-то пропал. Можно даже подумать, что он спрятался от греха подальше, и принцесса побилась бы об заклад, что так оно и есть, но вдруг брат что-то задумал? Вдруг тоже удивит?

А ещё надо помнить о Роннаре.

Ианею схватило холодком. Будь Аранеф разумнее, Конгвер решительнее, Эшем честолюбивее, а Бовиас – свободнее от влияния матери, она и не думала бы о поборнике, вовсе не принимала бы его в расчёт. Но в нём, его истории, его словах она почувствовала искру, дремлющую внутри новообретённого родственника. Возможно, он-то способен объединить в себе все необходимые для успеха качества. По крайней мере, очень на это похоже, раз он сумел уверенно и решительно распорядиться сложной, очень сложной ситуацией, и уже многого добился!

Допустим, в их семье он не один такой. Допустим, пламя дремлет ещё в ком-нибудь из сыновей старого короля, и надо лишь подождать, когда из искры разгорится стойкий огонёк...

...А может быть, дело пойдёт так, что принц из Опорного мира сумеет собрать под своей рукой весь родной мир, вышибет оттуда бестий – судя по всему, шанс у него есть. И тогда на высоком выборе Пламя, конечно, укажет на него, триумфатора, военачальника, правителя, который уже показал себя.

И это ужасно. Действительно ужасно. Чтоб королём Лучезарного стал уроженец Среднего мира, низменного и слабого своей магией? Мыслимо ли такое? Ничего подобного не случилось никогда с заповедных времён, с тех пор, как их династия взошла на престол. Да что там их род – прошлая династия правителей также целиком состояла из уроженцев Высшего мира! Королевская семья очень традиционна, даже законы престолонаследия пришли ещё с тех времён, когда дочери тоже могли наследовать землю, а семья была довольно-таки условным понятием. В те давние дни мужчина, если желал, мог легко заменить одну жену другой и, само собой, признать любых своих детей, каких ему было угодно, независимо, родила ли их супруга, любовница, наложница или вообще соседская рабыня – и все признанные дети имели равные права.

Раньше короли, если им случалось занять чашу от женщины из другого мира, просто не признавали его законным. Отец Ианеи стал первым, кто принял вот такое решение. Может быть, он знал что-то важное? Может быть, его плана им просто не понять, они ведь пока лишены полной магической власти и возможности заглянуть в глубины таинственного Пла-

мени, прочесть там подсказку? Предположим, в будущем Лучезарный ждёт что-то страшное, что полностью объяснит этот поступок отца...

А может быть, к концу жизни король просто выжил из ума – женился на наглой молоденькой красотке, позволил ей наставлять себе рога, поленился решить судьбу государства и плюнул на все свои обязанности.

– Однако касательно Овеяния у меня есть кое-какие сомнения, – сказал Конгвер, и Ианея вздрогнула, выныривая из глубин тяжёлых и вязких размышлений. – То, что герцогиня намерена избавиться от тебя, очевидно. Овеяние, конечно, далеко, но её светлость умеет находить сторонников. Возможно, найдёт и способ подобраться к нам ближе, ударить в спину, если мы дадим ей время на подготовку.

– Я соглашусь начать кампанию против Овеяния, как только выясню, где Бовиас и чем занимается. Если мне придётся воевать против него... Словом, мне это не нравится.

– Аранеф воюет против Тейира, так что ты не будешь первой.

– Он ещё может с ним замирился. А если Бовиас встанет стеной за свою мать (а он встанет), нам вероятнее всего придётся его убивать. Тогда у Аранефа появится формальное право с нами расправиться. Пусть герцогиня попытается штурмовать Лестницу, у неё вряд ли что-нибудь получится. Скоро она и вовсе не сможет вести войну – ей нечем будет кормить солдат.

– Боюсь, с Бовиасом мы очень скоро встретимся. Почему ещё он мог уйти от столицы? Скорее всего, мать отправила его сражаться с тобой.

– Думаю, у нас хватит войск, чтоб отразить атаку Овеяния, а после боя возьмём армии у Агелена и уничтожим то, что останется от герцогства. – Ианея смотрела на брата с беспокойством. – Если нам это удастся, брать под контроль Овеяние придётся именно тебе. Я не оставлю Лестницу.

– Разберусь. Те места мне знакомы, – усмехнулся он с должной мерой иронии в отношении себя и своих усилий.

– Я полагаю, найдутся люди, которые согласятся собрать для нас с тобой информацию, – предложила Ианея. – Подбери кого-нибудь, кто справится с подобной задачей. Нужно знать, где Бовиас и что он делает.

– Согласен.

А Бовиас покинул Геллаву с войсками Овеяния, не дожидаясь прибытия своих основных отрядов – сообщение их командирам было оставлено, и они должны были нагнать принца у границ герцогства. Даже если замешкаются, ничего страшного в этом нет, потому что подкрепление пригодится в любой момент боевой кампании, а в том, что герцогиня будет упорно сопротивляться, её сын был совершенно уверен. Он подозревал, что ему ещё придётся просить о помощи брата... Правда, Аранеф вряд ли сможет помочь. Значит, предстоит обращаться к Ианею.

Только не сейчас. Сперва в придачу к письму нужно будет предъявить сестре хоть какой-нибудь зримый результат начатой кампании, показать себя стоящим союзником. Судя по тому, что герцогиня уже успела предпринять против принцессы, Ианея безусловно захочет поучаствовать в её укрощении. И после первых его успешных действий, возможно, согласится побыть в этом деле на вторых ролях. У Ианеи большая армия, которой прилично управлять мужчине, и главное, чтоб им оказался не Конгвер.

Вечером, в роскошном походном шатре, который принцу подарили горожане Ливы (видимо, понадеялись, что, увидев подарок, принц растает сердцем и останется жить поблизости – защищать их от притязаний барона Тегала и всех остальных претендующих), Бовиас терзал карту Овеяния и окрестностей. Он всё решал, откуда будет лучше начать, и решение никак ему не давалось. Просто он слишком хорошо знал герцогство, его сильные и уязвимые места (которых, кстати, было немного, и каждое со своим сюрпризом), чтоб уверенно

смотреть в будущее. Дойти до Вересковой цитадели будет трудно. Мать всё успеет понять, и её реакцию, с одной стороны, предсказать легко, а с другой – вовсе невозможно. Конечно, герцогиня будет в ярости, но в чём её ярость выразится на этот раз?

Он устал больше даже не от мысленной подготовки к тяжёлой войне, от попытки найти единственно беспроектный путь к победе, а от невозможности вместить в сознание, что теперь он вынужден воевать с женщиной, которая его породила и которую он привык воспринимать как гарантию своего будущего возвышения. Ведь раньше он рассуждал так: кто обеспечит ему политическую поддержку – конечно, герцогиня. Кто даст армию, чтоб восторжествовать в споре на поле боя? Герцогиня. Кто даст тонкий, безупречный и безжалостный совет, если он запутается? Герцогиня.

То, что мать в результате стала для него главной угрозой, в голову не вмещалось – словно бы этого просто не было. И поэтому ему было сильно не по себе: как будто он одиночно, исходя лишь из собственных предположений, принял такое решение. А ведь, сделав подобный шаг, изменить последствия уже будет нельзя, и доверия герцогини он не вернёт, даже если его положение потребует её добровольной поддержки. Кровь стучала в висках, душевное смятение было таким же назойливым и звучным, как шум ветвей за тонкими стенками шатра.

Поэтому он вначале не воспринял звуки схватки, тем более что сперва они были такими приглушёнными, смутными – не громче звона в ушах, как ему показалось. Только близкий предсмертный вскрик предупредил его, а потом сразу прозвучал второй – ещё ближе. Бовиас схватился за меч, и ему как раз хватило времени выпростать его из ножен и ногой отодвинуть с дороги лёгкий походный стол с бумагами, как пышное полотнище, закрывающее вход, бесцеремонно сорвали, и в шатёр уверенно вступили трое вооружённых людей, ему неизвестных.

– Отдайте оружие, принц, – посоветовал один из них. – Это бесполезно, нас больше.

Вместо ответа Бовиас схватился ещё и за щит. Схватился неловко, да и какая может быть ловкость под колпаком шёлкового шатра, в котором, как бы он ни был просторен, всё равно тесно и полно скарба. Даже в дворцовых залах драться проще, там больше места, стены крепки, и мебель надёжна, ты точно знаешь, что, может быть, запнёшься о кресло или сундук, и они без труда выдержат напор твоего тела, не превратятся в груды острых обломков, которые тоже могут тебе что-нибудь проткнуть. А тут – походная дребедень, на которую никакой надежды.

Принц сражался бешено – предчувствие, что всё может закончиться очень плохо, не оставляло его. В какой-то момент его тело вспомнило, что от свободного, ничем не ограниченного и не напичканного опасным скарбом пространства (а ещё, возможно, там его поджидают верные люди, готовые вступить за него в бой) его отделяет всего лишь ткань, и извернулось так, чтоб оказаться у стенки шатра. Улучив момент, он полоснул полотно наискось, вывалился наружу – и тут на него навалились со всех сторон. Прижали и руки, и ноги, и даже лицом уткнули в траву и сухую грязь, натрусившуюся с солдатских сапог. Не торопясь, освободили жертву от оружия – удержать меч в его положении было просто невозможно – и только потом подняли, вывернув руки, да так, что не дёрнешься.

Человека, который на него смотрел, он знал – это был один из офицеров его матери. Офицер по особым поручениям, как принято было говорить. Он смотрел почти не мигая, и в пляшущем свете костров и факелов его лицо казалось неестественным, похожим на точёную из дерева маску или голову искусно изготовленной марионетки – так мастера-кукольники обычно изображают рыцарей или королей для нужд бродячего вертепа. Лицо с претензией на силу и могущество, но очень уж условные – те, что заявлены лишь в рамках разыгрываемой истории.

– Что всё это значит? – выкрикнул Бовиас ему в глаза, бесчувственные, терпеливые.

– Вы скоро поймёте, принц, – ответил тот, и Бовиасу сзади на голову накинута чёрный мешок, а руки связали.

Он никогда раньше не задумывался над тем, как тягостно положение пленника, который даже самостоятельно пошевелиться не способен и лишь подчиняется навязанному порядку существования. Вот так, когда ничего не видишь и мало что слышишь, не имеешь права хотя бы свободно почесаться или поменять позу затёкшего тела, надобности, которые прежде не достаивались внимания, превратились в вещи безумно значимые. Было так плохо, что принц даже не чувствовал себя по-настоящему униженным, когда мычал сквозь мешок, что ему нужно отлить или хочется пить.

Пить ему давали, приподняв мешок ровно настолько, насколько это было необходимо, и кормили так же. Кормили всего дважды, но Бовиасу показалось, будто изматывающее путешествие продолжалось бесконечно. Оно стало для него настоящей пыткой, хотя везли его не в седле, что было бы намного тягостнее, а в телеге, на соломе (и каждая кочка отзывалась в костях и внутренностях, а их на пути попадалось очень много). За каждым его движением ожесточённо следили, часто прижимали, так что шевелиться в своё удовольствие тоже было нельзя. Хотя какое вообще может быть удовольствие – со связанными-то руками и головой, окутанной грубой тканью.

Потом, когда наконец-то доехали, и принца подняли, куда-то поволокли, он даже испытал облегчение: как бы ни закончилось, лишь бы поскорее. Все его чувства и переживания, все возвышенные соображения о чести, гордости, способность оскорбляться или оценивать попытку подольститься, на время вовсе перестали существовать. Были только страдание и освобождение от страданий – вот что оказалось важнее всего на свете. Мешок с пленника не снимали, даже пока вели по лестнице, но Бовиас, собственно, и не осознавал, насколько нелепо он выглядит, и в этом тоже было облегчение. Как часто случается, незнание одарило щедрее, чем просвещённость.

Он пришёл в себя, пока стоял где-то возле очага, уютное потрескивание и тепло которого немного успокоили и вызвали к жизни другие чувства, кроме физических мук, а ещё удивление – от чего тут вообще было мучиться? Не пыткам же его, в конце концов, подвергали! Что такое серьёзное с ним произошло, раз больше ни о чём, кроме болезненных ощущений в теле, думать он не мог? Малоутешительная мысль: видимо, испытания потруднее он вообще не перенесёт.

Когда с него снимали мешок, он был уверен, что встретится взглядом с её светлостью (что ж, это тяжело, но ожидаемо), и, обнаружив себя перед Хильдаром, сперва не поверил собственным глазам.

Младший брат смотрел на него с откровенной издёвкой – он никогда не умел сдерживать чувства, все его мысли и движения души были написаны на лице грубо и внятно.

– Что – не ожидал? – Хильдар глупо расхохотался, всем своим видом показывая, как ловко он поймал брата и безусловно его одолел. Бовиас смотрел молча. Прежде ему без труда удавалось осадить младшенького одним взглядом, вот только на этот раз оживление брата было таким, что увещевание до него просто не дошло. Он упивался тем, что в кои-то веки оказался сильнее Бовиаса, могущественнее и величественнее. – Добро пожаловать в гости.

– Надеюсь, ты наконец объяснишься.

– О, объяснить! С удовольствием. Ты так рассчитывал на мать, думал, она станет делать всё, что ты пожелаешь? Плохо же ты знаешь герцогиню.

– А ты считаешь, что знаешь?

– А мне её знать ни к чему. Мне важно, что она готова дать мне армии, а большего и не нужно. Остальное пусть себе оставит. – Он снова захохотал, и выглядело это очень нелепо. – А ты больше не нужен своей матери – понял? Она не просто отступилась от тебя – она отдала на мою волю решение твоей судьбы. Ты думал, что имеешь армию и влияние? Ты ничего

не имеешь. Королём буду я, а не ты или Аранеф. Вам всем придётся покориться, а тебе – прямо сейчас.

– На самом деле? – Бовиас в один миг забыл о тяготах, которые вроде бы лишили его способности мыслить. Теперь он рассуждал про себя, и вполне ясно. Хильдар не блещет умом, а значит, из него можно вытянуть какую-нибудь ценную информацию. Из него её обязательно нужно вытянуть, потому что пора начинать что-нибудь делать. Трудно предположить, что придёт в Хильдарову дурную голову. Ситуацию надо брать в свои руки, ошибка может стоить жизни.

В то, что мать нашла ему замену в лице его младшего брата, вздорного и глупого, он сперва не поверил, счёл за пустую издёвку. Да даже будь брат гением – он герцогине чужой человек! Однако несколько минут спустя Бовиас начал прозревать истину, и дело было даже не в издевательски самоуверенном лице Хильдара. Он ведь знает свою родительницу – ей безразличны родственные узы, она никогда не была связана любовью хоть к кому-нибудь. Всё, о чём она может грезить и чем дышит – власть.

Странно, что ему такая вероятность раньше не пришла в голову. Он ведь отлично знает её светлость, свою матушку. Сменить его, своего сына, на более покладистого и менее сообразительного принца – очевидный шаг, разве нет?

– А чего ты ждал? – Хильдар искрился оживлением. Он был вполне искренен. – Теперь у меня будет самая большая армия в Лучезарном. Столица очень скоро станет моей, и всё остальное тоже.

– Не самая большая. Ты забыл об армии Ианеи.

– Ианеи? По-твоему, я должен бояться собственной старшей сестры?

– Ну что ты – можешь не бояться, если хочешь.

– Твой издевательский тон звучит просто неуместно. Ты забыл, что находишься у меня?

– У тебя – это где?

– Это мой замок, Хидтриф. Здесь все – мои люди, можешь даже не рассчитывать на побег. – Хильдар надвинулся на брата и попытался нависнуть над ним. Получилось нелепо, если учесть, что младший уступал старшему и в росте, и в комплекции. Бовиас молча смотрел на него чуть-чуть сверху вниз, и одного этого взгляда хватило, чтоб вроде бы победившая сторона растерялась, а потом и пришла в ярость.

У Хильдара это всегда получалось лучше всего – приходиться в ярость. Он, младший из братьев, был, пожалуй, самым тщеславным среди них всех, и бесился, осознавая, что он тот, на кого абсолютно все представители семьи смотрят, будто на бестолкового малыша. Для него это всегда было болезненно. Со временем болезненность превратилась в подобие мании. Обиду Хильдар видел почти во всём, и даже отца запомнил, как человека, который всегда старался походя его унижить.

Но у короля, по крайней мере, было такое право, а вот за братьями он его не признавал. Кто они такие? Они ведь ничем не отличались от него, разве что умудрились родиться раньше, так это была не их заслуга. В глубине души он уже многие годы ненавидел всех своих братьев, но на общих встречах держался так безупречно, как только мог, и наслаждался тем, что сумел всех обмануть. Ему не приходило в голову, что старшие родичи едва замечают его существование. Каждый шаг, каждый момент жизни был для Хильдара сражением. И теперь, оказавшись наконец в открытом противостоянии с братьями, он испытал облегчение и восторг. Интриги – это не для него. Откровенная враждебность проще – так ему казалось. От возможности сказать в лицо, как он ненавидит и презирает их, принц ждал многого.

И сейчас бешенство обуяло его, потому что откровенность была, но триумфа не получилось. Бовиас, даже находясь в плену, продолжал смотреть на него сверху вниз. Это было не просто обидой – это было наглым вызовом. От ярости Хильдар на несколько мгновений будто ослеп и оглох, лишь тяжело переводил дух, вцепившись в брата взглядом.

Бовиас же размеренно, неспешно обдумывал ситуацию. Если мальчишка рискнул напасть на него и пленить, значит, за ним стоит серьёзная сила. Видимо, это действительно герцогиня – кто же ещё способен предоставить мальчишке такую возможность. Могла она поручить Хильдару убить своего сына? Могла, конечно. Значит, Хильдар его убьёт.

Можно ли что-то с этим сделать? Вряд ли. Младшенький глуповат, увлечь его идеей сотрудничества или же подорвать его уверенность в герцогине сейчас невозможно – он просто не услышит.

Значит, надо достойно принять смерть. Раз уж больше ничего не остаётся.

И старший принц успокоился. Он и сам не вполне понимал, почему, но ясность его судьбы сделала и всё остальное ясным. Бовиас посмотрел на Хильдара с лёгкой насмешкой во взгляде, и это окончательно вывело младшего из себя.

Раньше он краем сознания касался мысли о том, что брата нужно будет убить, поскольку герцогиня намекала, мол, её сына нужно лишить возможности претендовать на престол, а разве есть более надёжный способ, чем убийство? Но теперь ему хотелось причинить Бовиасу как можно больше боли. Пожалуй, вцепился бы в него и попытался разорвать, но даже не сознанием – телом понимал, что в поединке один на один наверняка получит по загривку и прочим местам. Бовиас – крепкий боец, старше, искуснее и намного опытнее.

Вот тогда-то у Хильдара начала оформляться новая мысль – как ещё можно поступить с пленником, чтоб тот действительно потерял свои права на наследование короны.

– На что ты рассчитываешь? – тем временем с усмешкой спросил его старший. – Такую штуку можно провернуть только один раз. После такого остальные братья объединятся против тебя.

– С армией герцогини я их всех расшвыряю. Кем ты хочешь меня напугать? Аранеф с Тейиром сами друг с другом никак не разберутся, Эшем сидит и трусит в своих владениях, а у Конгвера нет даже тех отрядов, что раньше. Он теперь на поводке у сестрицы, это отлично о нём говорит. У тебя был шанс, но ты его упустил. Не стоило ссориться с матерью.

– Тебе с ней будет намного проще поссориться.

– Не поссорюсь. Мы с ней хотим одного и того же – чтоб я взошёл на трон. Я это сделаю.

– А ты знаешь, что служители могут отказаться возводить тебя на престол и не позволят прикоснуться к Пламени, если на твоих руках будет кровь одного из сыновей последнего короля?

– Я знаю, что Храм попытается что-то там возражать, если я убью тебя. Но зачем? Есть способ попроще. Я знаю, что нужно сделать с тобой, чтоб у тебя не осталось надежд на трон и корону. – Он издевательски заулыбался. – Хочешь знать, что именно? – Хильдар обернулся к своим людям. – Разденьте его... Да, я тебе объясню. Король ведь должен не только править, но ещё и оставить после себя потомство, способное унаследовать за ним трон и власть. Вот и решим эту проблему... Держите его. Сейчас один взмах ножом, и у тебя уже никогда не будет потомства. А потом можешь жить сколько угодно. Для трона ты будешь бесполезен.

Обнажённый и безоружный человек всегда беззащитнее и бессильнее того, кто одет и вооружён, особенно если раздетого держат несколько пар рук. Перед угрозой, которая прозвучала в этот момент, любой мужчина похолодел бы сердцем, и Бовиас, конечно, не был исключением. Смерть казалась лучшим исходом, чем это.

Но он уже однажды смирился с близостью своей смерти, и сумел теперь принять всё остальное, что ещё могло с ним случиться. Принц взял себя в руки и вполне искренне усмехнулся брату в лицо.

– Ну что ж, давай. Ты и правда считаешь, что у меня до сих пор нет ни одного сына? Мне достаточно будет просто признать всех тех, кого я ещё не успел признать, и вызвать к себе тех, которых признал.

– Ты врешь! Нет у тебя никаких сыновей! – завопил взбешённый Хильдар.

– Так попробуй, проверь. Соверши то, что все твои братья оценят по достоинству... Да, по достоинству. Замай свою репутацию, причём без пользы. Или убей меня для уверенности и навсегда закрой себе путь к трону. Давай!

Он видел, что брат засомневался, остановил руку. Действительно, ведь такой поступок обесчестит не только Бовиаса, но и самого Хильдара – это правда. Младшему было трудно сосредоточиться, но бешенство, которое уже перехлестнуло через край, на удивление обострило его способность мыслить. Он жестом велел солдатам запрокинуть Бовиасу голову.

– Да, возможно, Лучезарный ломится от твоих ублюдков. Допустим. Но, полагаю, король должен быть способен ещё на что-то, кроме случки. Например, хотя бы смотреть и говорить, верно? Я не буду торопиться. Я буду делать это постепенно. – И он, в напряжении искривив губы, ткнул брату ножом сперва в правый, а потом и в левый глаз. После чего отступил, брезгливо встряхивая рукой. – В камеру. Да посмотрите, чтобы не сдох. А то и в самом деле скажут, будто я его убил... Собрать армию. Мы идём к Лестнице.

Он впервые чувствовал себя принцем в полном смысле этого слова, и кровь брата, попавшая ему на пальцы, заставила играть его собственную. Возможно, он не вполне понимал, что всё происходит на самом деле. Для него, юноши, который был лишён доброго отцовского примера или вообще хоть какого-то участия отца в его воспитании (да и от матери, легкомысленной светской красавицы, ему было мало толку), жизнь так и осталась чем-то вроде игры. В ней надо выиграть, и тогда будут почёт, власть, богатство и восхищённые завистливые взгляды. Только и всего.

Теперь у него была настоящая армия, а значит, и верный шанс выиграть. Он не воспринимал всех этих людей, оказавшихся под его командованием, как подлинно людей, то есть существ со своими надобностями, желаниями, устремлениями. Это были просто слова: пять тысяч человек, десять тысяч человек. Серьёзные цифры, бросаясь которыми, можно было легко впечатлить вассалов короны. Хильдар не думал, что впечатлять их нужно затем, чтоб перетянуть на свою сторону, чтоб они снабжали его армию припасами, давали золото или подкрепление. Он просто хотел их впечатлить – и всё.

Впрочем, у его армии всё-таки был мозг – герцогиня Овеяния и поставленные ею командиры. Младший сын покойного короля им не мешал. Он, собственно, просто не утруждал себя тем, чтоб совать нос в их дела. Разве планирование и расчёты достойны венценосной особы?

Он просто приказал идти на Лестницу, вот пусть армия и идёт. Всё ж понятно!

Однако вести армию через полстраны – дело трудное и неспешное. К тому же герцогиня не могла обеспечить всем десяти тысячам достаточное количество зерна и муки сразу, и ожидание дополнительного снабжения задерживало их. Хильдар бесился и кричал на командующих, те молчали и делали по-своему – именно так, как приказала делать госпожа Овеяния.

Поэтому известие о её войске добралось до Ианеи намного раньше, чем само войско увидело в отдалении границы новых владений принцессы.

Она поспешила отправить известие в Агелен, к Конгверу, но тот и сам написал сестре, а потом и лично прибыл в Лестницу. По его словам, герцог согласился выделить двадцать тысяч воинов, но лишь в ответ на заверения, что будущий король (если им, конечно, станет Конгвер) даст ему достойный чин никак не ниже советника. Он, разумеется, это пообещал. Будущему правителю советники в любом случае будут нужны, к тому же двадцать тысяч дополнительных солдат придутся очень кстати. Вряд ли герцогиня сумеет выставить столько.

– Ей не надо знать, сколько у нас солдат, – сказала принцесса.

– Она и не узнает, – спокойно ответил её брат. – Войска из Агелена придут ещё не завтра. По видимости, у нас будет примерно одинаково сил. Возможно, это вызовет герцогиню на прямое противостояние, в котором мы победим. Я распоряжусь провести рекогносцировку границы и подготовить сюрпризы гостям везде, где будет возможно.

– Сюрпризы? Что ты имеешь в виду?

– Мы не знаем, где герцогиня поведёт свою армию. Есть дороги, есть поля, которые могут приглянуться её военачальникам. Если там будут, к примеру, заблаговременно отрыты рвы или насыпаны валы, которые помешают конной атаке или сохранению строя наших солдат при наступлении на них, армии Лестницы будет намного проще воевать.

– Но это же очень много работы!

– Не так много, как кажется. К тому же поможет занять солдат. Солдат должен либо работать, либо сражаться, иначе его не за что кормить.

Ианея смотрела на брата испытующе – ей казалось, он встревожен. Лицо у Конгвера было каменное, черты обострились, взгляд стал холодным. Она требовательно и осторожно коснулась его руки, но принц жестом успокоил её: всё в порядке. Он просто размышляет.

Спустя несколько дней отряды принцессы ждали врага на одной из дорог. Она прислушалась к совету брата и согласилась поделить силы, но расположить их недалеко друг от друга – чтоб успели присоединиться к сражению в нужный момент. Конгвер сам решал, кого куда поставить, и Ианея не вмешивалась. Она очень хорошо осознала теперь, как мало знает о военном деле. То, что было в прошлые разы, мало напоминало настоящие боевые действия, к тому же она особо ничего не решала – только указывала цель, и её наёмники справлялись сами.

На деле же принцесса совершенно не представляла, что и как делать, чтоб армия расположилась правильно и потом начала сражение как положено. В какие-то моменты ей начало казаться, что Конгвер тоже не знает об этом – он слишком много спрашивал и слишком внимательно прислушивался к советам окружающих – как ей казалось, всех, кто желал их раздавать. Ей стало не по себе; она даже принялась прикидывать, что случится, если меньшая армия победит большую, и ей придётся спешно бежать с окраин в Лестницу.

Ианея успокоилась, когда сообразила, что на пути герцогской армии окажется ещё два замка, где можно будет организовать оборону. Она оглянулась на командира Лис, который сопровождал её, и осторожно поинтересовалась:

– Об армии противника что-нибудь известно?

Когда-то у него было, наверное, приятное лицо, теперь же стало слишком жёстким, слишком безразличным, и складки, которые легли однажды и навсегда, делали черты устрашающими. Общаясь с нанимательницей, он старался смягчить выражение лица, но получалось у него плохо. Каждый раз в его глазах она видела, насколько её собственная жизнь мало для него значит. Она как личность в их глазах – ничто, как и остальные люди, и значима лишь до тех пор, пока они ей служат. Командир наёмников ценил только своих сослуживцев и своего временного господина – разумеется, пока он остаётся господином и исправно платит.

Главное было не обращать на это внимание. Он ведь ей тоже важен лишь до тех пор, пока ей служит, и служит хорошо. Проехав мимо него по улице в другое время, она бы тоже его не заметила.

– Отправлены разведчики, госпожа, – ответил главный Лис. – Войска Овеяния рассылают их тоже.

– И что с этим можно сделать? Как узнать, что им известно?

– Попробуем узнать, госпожа. Будьте уверены, сделаем всё, что сумеем.

– Я слышала, что среди твоих людей есть отличные наездники.

– Ветер и бурю оседлают, если надо, госпожа.

– Пусть несколькими из них дадут моих диэдимских коней, самых быстрых и ловких. Пусть гонцы ждут в полной готовности, чтоб немедленно скакать, отвозить приказы.

– Будет сделано, госпожа. Я отберу лучших.

Пришёл насупленный Конгвер и одним коротким движением развернул на столе карту Синеарда. Большой, податливый, как плотная ткань, лист дорогой бумаги был расписан старательно и красочно, но всё-таки в меру, чтоб не отвлекать глаза излишней красотой от основной задачи – карта была таким же боевым инструментом, как меч или сигнальный флажок. Опрокинув костяную коробочку, принц высыпал фишки, с помощью которых удобно размечать положение войск, своих и вражеских.

– Армия Овеяния, судя по всему, направляется сюда. И это понятно. Мы так и предполагали, потому что здесь покатая долина, фланг прикрыт рекой, и есть холм, на котором наступающие могут укрепиться и стрелять по нам. Думаю, они на это рассчитывают. Мы им этого, конечно, постараемся не позволить. Я поставил диэдимцев здесь, а Детей шторма здесь, остальные войска находятся в половине дневного перехода. Кстати, Дети шторма потребовали прибавки за полевое сражение. Я от твоего имени им пообещал.

– Они меня не разорят этой прибавкой? – улыбнулась Ианея.

– Наёмники разоряют только бесчинствами на захваченных территориях. Не волнуйся. Они сказали, что ты – хороший наниматель, платишь вовремя, и на этот раз они могут подождать. Полагаю, они рассчитывают разграбить вражеский обоз.

– Сомневаюсь, что в обозе герцогини будет чем поживиться. Подозреваю, уже сейчас её светлости нечем кормить солдат, – злорадно проговорила принцесса. – Иначе бы она повела их на столицу, а не к Лестнице.

Конгвер пожал плечами.

– Может быть, хлеба у неё мало, зато золота хватает. Она пока может позволить себе платить за хлеб втридорога. Она – серьёзный противник, Ианея.

– Знаю. Забавно то, что трон сейчас делят мужчины, а самые большие армии, которые готовятся выяснять отношения между собой, находятся под командованием женщин.

– Положим, ещё здесь есть я.

– Прости. Но всё равно забавно.

– Не забавно, когда родич ополчается на родича, и страну раскалывает пополам. История свидетельствует, что такие войны оказываются самыми кровопролитными и жестокими.

– Война всегда – жестокое дело... К тому же герцогиня мне не родич. Что же касается братьев, то я думаю, мы всё-таки сможем с ними договориться. В конечном итоге одному из нас предстоит править этой землёй, а если учесть, что выбор всё равно будет делать Пламя, то спор становится совершенно бессмысленным.

– И кто из нас ещё верит, что выбор будет делать Пламя? Ты, я, Эшем... Может быть, Гадар и сёстры, которые не вмешаются в спор. И всё. Остальные считают, что выбирать им. Они считают, что королём станет тот, кто выиграет войну.

Конгвер пожал плечами.

– Возможно, они и правы. Кто знает, как Пламя выбирает правителя. Возможно, и так тоже... Но я надеюсь, что нам всем хватит силы остановиться, не переступив грань, за которой остановиться уже не получится.

– Боюсь, нам с тобой придётся ради этого очень потрудиться. – Ианея тоже подошла и склонилась над картой. Правда, она почти ничего не поняла. Её учили читать карты, но представить себе обозначенное на них передвижение войск она не могла. – А ты уверен, что остальные отряды надо поставить так далеко? Они могут не успеть к моменту боя.

– Самый малый срок, за который армия такого размера может изменить месторасположение – сутки. В два раза больше, чем потребуется нам, чтоб подтянуть эти резервы. Ты понимаешь?

– Да, понимаю. Когда ты отправишь к ним гонца, чтоб позвать сюда?

– Не сюда. Нам придётся продвинуться вперёд, вот сюда, и тогда уже начинать формировать порядки... Ты всё ещё хочешь присутствовать при сражении?

– Да. Тот доспех, который я заказала, стоил больше, чем мне когда-либо приходилось тратить на платье. Должна же я хоть раз его надеть.

Конгвер сдержанно усмехнулся.

– Решай сама. Я рад буду тебя представлять, как представляю сейчас. – Он покосился на вестового, который остановился в отдалении, подошёл к нему, выслушал и вернулся. – Разведчики говорят, что над отрядами наступающей армии – флаги Овеяния, но личных значков герцогини нет. Значит, армию возглавляет не престарелая дама.

– Значит, Бовиас?

– Видимо.

Ианея поморщилась.

– Что ж, повоюем с Бовиасом. Я надеялась, что он проявит больше здравого смысла.

– Он вынужден выполнять приказы матери, он ведь от неё зависит. Что ему делать? Вся его власть держится на её расположении. Если ты решилась, ты выезжаем прямо сейчас.

– Значит, выезжаем, – покладисто согласилась принцесса.

Следующим утром она, сидя в седле, разглядывала зелёный луг, аккуратно опушенный лесом, будто на картине художника, который больше поклоняется гармонии, чем правде. Чуть в стороне был холм, который она представляла себе более крутым и высоким, но он оказался лишь небольшой возвышенностью, увенчанной неровной кромкой. Конгвер с Ианеей устроились на холме побольше, но даже оттуда река – та самая река, о которой тоже шла речь – была едва различима.

Также сперва принцесса никак не могла понять, где их войска, а где чужие. Потом наконец разглядела значки и флаги. Ей показалось, что противник стоит слишком далеко. Гребень приземистого холма заняли её наёмники, как и планировалось, а вот войска герцогини жались к реке. Ианея привстала в стременах, разглядывая дальние части луга. Потом поинтересовалась у Конгвера.

– Они не хотят сражаться? Почему встали так далеко?

– Хотя, конечно. Но они желают воевать на своих условиях. Это естественно. Все хотят биться только на своих условиях. – Принц хмурился. – Мне надо переговорить с Бовиасом до боя. Ты хочешь участвовать?

– Разумеется. – Она, не глядя, протянула руку к оруженосцу – за шлемом. – Едем.

– Зачем тебе шлем? Хочешь, чтоб Бовиас не знал, что ты тоже командуешь армией?

– Наоборот. Ты прав. – Она вернула шлем. – Едем?

– Да.

– И Бовиас уже ждёт?

– Будет ждать. – И Конгвер жестом приказал свите поспешить за ними.

Уже в долине знаменосцы развернули полотнища с личными знаками принца и принцессы. Ианея с любопытством наблюдала, как в отдалении появились всадники, и они тоже развернули стяг. Ткань билась по ветру, не позволяя рассмотреть рисунок, но девушка и не смотрела. Какая разница, и так всё понятно.

Однако, когда отряды сблизилась, Ианея сперва с недоумением, а потом с каким-то даже облегчением разглядела, кто именно возглавляет отряд. Ей проще было видеть на этом месте Хильдара, чем Бовиаса. Она оглянулась на Конгвера, но брат смотрел только на брата. Тот же умудрился даже в седле развалиться, словно в удобном кресле, и смотрел с издевательской усмешкой. Кажется, младший принц не вполне понимал, что таким образом пытается себя ободрить.

Глава 4 Опорный

Распутица всё длилась, и, вместо того чтоб воевать, бойцы отряда возили брёвна, возводили строительные леса, помогали обитателям форта ремонтировать стены и крыши. К исходу дождей их догнали несколько телег с припасами, посланные Габешем, и Роннар задумался – так ли непроходимы дороги, как ему казалось, раз телеги смогли сюда прорваться? И никакие объяснения, что до Ишмея дороги вроде как есть, а дальше уже нет, и вообще, просто повезло, его не убедили. Он приказал собираться и выступать поутру.

Не сказать, что бойцы были так уж сильно недовольны этим решением. Конечно, сидеть в крепости да у тёплого камина, с тёплой едой дважды в день оно приятнее. Но и путешествие не обещало больших трудностей. До зимы ещё было далеко, осень стояла хоть и мокрая, но сравнительно тёплая, к тому же Килан убедил принца взять побольше телег и поменьше их нагружить. Во-первых, такие проще было вытягивать из грязи, где они, конечно, засядут, а во-вторых, на каждой можно было в два счёта возвести полог и превратить в удобный фургон. В них предполагалось отдыхать и греться по очереди, и всем должно было хватить места. Предусмотрительные мужики везли с собой даже несколько переносных печек, а так-то каждый второй крестьянин мог на скорую руку соорудить что-нибудь безопасное и греющее из подручных материалов, была бы нужда.

– Сколько до ближайшего крупного селения? Я имею в виду – где тут были такие?

– Думаешь, здесь мог кто-нибудь уцелеть? Вообще-то говоря, тут раньше везде были посёлки, но что-то их не видать. Населённая была область, народу хватало. Где он теперь?

– Не может быть, чтоб весь полёг.

– Разбежались, видимо. – Килан искоса и многозначительно взглянул на Роннара. – Так ты думаешь, что тут кто-то действительно мог уцелеть? Продержаться столько времени?

– Чтоб предполагать это и что-то с этим сделать, нужно обладать точными сведениями.

Есть с нами хоть кто-нибудь, кто знает здешние места по-настоящему хорошо?

– Должны быть. Обязательно.

– Так найди. Расспросим их и подумаем. Нужно знать, где искать, знать, где могут быть такие уголки, которые бестиям было бы трудно захватить с налёта.

– А я думал, твоя цель – Арисфорт.

– Моя цель – освобождение от врага всей западной Иоманы. Если по пути мы получим в своё распоряжение дополнительный отряд, как это будет хорошо!

Разумеется, знаток области нашёлся, и даже не один, но все они знали местность довольно-таки поверхностно, не во всех тонкостях, и могли лишь приблизительно предполагать, где бы жители сумели продержаться самостоятельно почти два года. Вот были посёлки меж болот – как бестии относятся к болотам? Дальше начинается скальная гряда и плоскогорье, где раньше были шахты, и в них добывали металлы – как налётчики из Нижнего мира относятся к открытому пространству? Вроде ж плохо. А в лесах заповедные форты искать бесполезно, бестиям в чащобах удобнее всего.

Роннар слушал внимательно и прикидывал. Получалось, что для проверки скальной гряды (а она огромна!) придётся сильно отклониться от намеченного направления, и что там с дорогами – совершенно непонятно. С большой вероятностью телеги придётся тащить на плечах, а это не вариант. Поэтому принц решил удовольствоваться болотами, да и то их краем. Если в глубине болота остались люди, это сразу можно будет понять – они ведь должны охотиться, собирать ягоды и дрова, искать дерево для строительства, землю пахать, в конце концов. Вряд ли всё это можно делать на крохотных островках посреди трясины.

И также понятно, что в лес нет смысла идти всей компанией – половину бойцов и все телеги решили оставить на дороге. Остающимися должен был командовать Килан.

– Оставил бы вам поборника, но слишком уж он непредсказуем и опасен, – сказал Роннар. – Буду держать его при себе.

– Вот уж точно, не надо нам такого помощника. Мы справимся, не сомневайся. Сейчас телеги рядами поставлю, да и всё. Мы за ними отлично отсидимся, если вдруг что.

Бойцы, отобранные, чтоб сопровождать принца, втянулись в глубины леса – редкого, низкорослого, пропитанного влагой от почвы до крон. Сразу ясно, что болото близко, вот-вот деревья ослабеют, расступятся, и под ногами закурчавеет светло-зелёный мох, усаженный метёлками брусники, осыпанный листками клюквы с островатыми краями. Мох, тот самый, что очень долго сохраняет следы человека, который по нему прошёл.

– Есть следы, – сказал, подбежав, один из наблюдателей из авангарда. – Есть заломы, затёсы и просто следы. Ягоду недавно собирали.

– То есть женские следы?

– Вот это не скажу. Явно не сегодня и не вчера было дело. И следов много. Ходили группами.

– Значит, ищите, – распорядился поборник и ускорил шаг, поравнялся с теми, кто шёл первыми. Не то чтоб он почитал себя таким уж знающим следопытом, но надеялся, что его чутья хватит на какую-нибудь важную мелочь, которую упустят остальные.

А спустя малое время в бойцов, идущих впереди, полетели стрелы. Это было так же неожиданно, как, например, огонь, вдруг упавший с неба, чтоб изречь пророчество, но куда страшнее: короткий низкий свист, звуки тупых ударов, охи и неестественные тяжкие стоны. Кто-то упал замертво, кто-то мгновенно рефлекторно присел или попробовал спрятаться за ближайший куст, кто-то вопил, осознавая, что тяжело ранен. Роннар увернулся от стрелы, прилетевшей в него, и предпочёл, в отличие от большинства, наоборот выскочить на открытое пространство. Серьёзных деревьев, способных прикрыть от выстрела, на болоте не бывает, а та хилая поросль, что имелаась, могла лишь затруднить ему восприятие происходящего. Ему надо было видеть, как в него стреляют, чтоб успеть уйти от удара.

– Щиты! – крикнул он.

Вперёд поспешили те, у кого щиты имелись – слишком маленькие, чтоб обеспечить себе надёжную защиту, но всё же лучше, чем ничего.

– Где они? – крикнул Роннару тот из его людей, кому принц счёл нужным доверить командование отрядом (имя пока не запомнил, но уже знал, что парень толковый, быстро соображает). Речь, понятное дело, шла о нападающих.

– Там. – Поборник повторил жест. – Это не бестии. Это люди. Бестии не стреляют из луков. Всё ясно?

– Люди? Как так? Быть того не может!

– Это люди, я сказал. Все за мной! Осторожнее, не лезть на рожон!

И он решительно двинулся вперёд, сознательно оставляя своих спутников чуть позади. Он знал, что привлечёт внимание и станет мишенью для стрел, и стремился к этому. Вставшую перед ним задачу, по идее, должна была затруднить хлюпающая во мху вода и кочки, но на самом деле, если уловить закономерность их расположения, можно наоборот получить преимущество перед противником, пусть даже он ждёт на месте. Земля под ногами словно бы ходуном ходила, а это давало прыжкам дополнительную силу. Роннар быстро разобрался, где и сколько лучников засело, и они перестали быть ему страшны. Хотя, по идее, один из девяти при некоторой удаче мог умудриться его зацепить. Но пока всё шло хорошо.

Они продолжали стрелять, на этот раз в поборника – он уходил от стрел, одновременно примечая точно, где кто спрятался. Кусты и ёлочки, пристроившиеся на краю болота, были настолько куцыми, что надёжно спрятаться за ними могли разве что муравьи. Отбивая и

уворачиваясь уже от трёх, а то и четырёх стрел разом, Роннар приблизился к засаде так близко, что рассмотрел и стрелков, и всех прочих. Этим прочим оказалось довольно много – потрёпанные серые мужики с топорами и оружием, переделанным из обычных кос.

– Много! – крикнул он, чуть покосившись назад. – Человек тридцать, не меньше. Или больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.